

No. 6 / 2021

ISSN 1999-477X

9 771999 477111 >

Бетейное и Жылышное Справо

СЕМЕЙНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

№ 6 • 2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций от 12 сентября 2008 г. Рег. ПИ № ФС-7733088. Журнал выходит с 2003 г. Издается 1 раз в 2 месяца

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Главный редактор журнала:

Крашенинников П.В., д.ю.н.,
профессор, заслуженный юрист РФ

Зам. главного редактора журнала:

Гонгало Б.М., д.ю.н., профессор;
Михеева Л.Ю., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ

Ответственный редактор журнала:

Чашкова С.Ю., к.ю.н., доцент

Редакционный совет:

Алябьева И.И., к.ю.н.;
Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;
Веняяйнен М., д.общ.н.;
Гетман Е.С., к.ю.н.;
Ключникова Я.А., к.ю.н.;
Косова О.Ю., д.ю.н., доцент;
Левушкин А.Н., д.ю.н., доцент;
Маньлов И.Е., к.ю.н.;
Низамиева О.Н., к.ю.н., доцент;
Пчелинцев С.В., д.ю.н.;
Пчелинцева Л.М., д.ю.н., профессор;
Рабец А.М., д.ю.н., профессор;
Самойлов А.С., д.ю.н., профессор;
Тоцкий Н.Н., к.ю.н.;
Трунцевский Ю.В., д.ю.н., профессор;
Чефранова Е.А., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;
Шелютто М.Л., к.ю.н.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор,
чл.-корр. РАО, заслуженный юрист РФ

Редакция:

Лаптева Е.А.,
Соловьева Д.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Центр редакционной подписки:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный).

Адрес редакции / издательства:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

www.lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.
Журнал включен в базу данных Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)

Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» – 15105,
а также через www.lawinfo.ru.

Отпечатано в компании

«Национальная полиграфическая группа».
Адрес типографии: 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан: 01.11.2021.

Дата выхода в свет: 18.11.2021.

ISSN 1999-477X

Цена свободная.

Формат 60x90/8.

Печать офсетная.

Физ. печ. л. 6,0.

Общий тираж 3000 экз.

© ИГ «Юрист», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Гончарова А.А.** Проблемы определения правового режима земельных участков, приватизированных в рамках земельной реформы 90-х годов, при разделе имущества супругов 3
- Лысенко А.И.** Раздел совместно нажитого имущества в судебном порядке при банкротстве одного из супругов 8
- Матвеева Н.А.** Установление возрастных требований для претендентов на статус усыновителей, опекунов и попечителей несовершеннолетних подопечных, приемных родителей 12
- Нестерова Т.И.** Право ребенка на имя по законодательству Российской Федерации 15
- Смирнская Е.В., Анисимов А.П.** Правовое противодействие фиктивным бракам в России: тенденции и перспективы 19
- Тагаева С.Н., Бодурова Г.Г.** Особенности процессуальных вопросов установления отцовства по российскому законодательству 23
- Якушев П.А.** Определение порядка общения родителей с ребенком в Германии: некоторые аспекты законодательства и судебной практики 28

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

- Ковалева О.А.** Новый взгляд на содержание принципа безопасности жилого помещения 31
- Кузулгуртова А.Ш.** Особенности защиты прав собственников индивидуальных жилых домов на территории дачных коттеджных поселков 35
- Маркина М.В.** Перевод жилого помещения, используемого в качестве места постоянного проживания 38
- Пальцева Е.С.** Реализация принципа противопоставимости в договорах найма и аренды жилого помещения 42
- Шеменова О.Н.** Юридический интерес как предпосылка права на обращение в суд с заявлением об оспаривании решений общих собраний собственников жилых помещений 45

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

FAMILY AND HOUSING LAW

No. 6 • 2021

RESEARCH AND PRACTICE, INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR SUPERVISION IN THE SPHERE OF COMMUNICATIONS AND MASS COMMUNICATIONS OF SEPTEMBER 12, 2008. REG. PI No. FC-7733088. PUBLISHED SINCE 2003. PUBLISHED BIMONTHLY WITH SIX ISSUES A YEAR

Publisher: Jurist Publishing Group

Editor in Chief of the journal:

Krashennnikov P.V.,
LL.D., Professor, Honored lawyer of the RF

Deputy Editors in Chief of the journal:

Gongalo B.M., LL.D., Professor;
Mikheeva L.Yu., LL.D., Professor,
Honored lawyer of the RF

Executive editor of the journal:

Chashkova S.Yu., PhD (Law), Associate Professor

Editorial Board:

Alyabyeva I.I., PhD (Law);
Blinkov O.E., LL.D., Professor;
Blinkov O.E., LL.D., Professor;
Venyalaynen M., doctor of social sciences;
Getman E.S., PhD (Law);
Kluchnikova Ya.A., PhD (Law);
Kosova O.Yu., LL.D., Associate Professor;
Levushkin A.N., LL.D., Associate Professor;
Manylov I.E., PhD (Law);
Nizamieva O.N., PhD (Law), Associate Professor;
Pchelintsev S.V., LL.D.;
Pchelintseva L.M., LL.D., Professor;
Rabec A.M., LL.D., Professor;
Samoylov A.S., LL.D., Professor;
Totsky N.N., PhD (Law);
Truntsevsky Yu.V., LL.D., Professor;
Chefranova E.A., LL.D., Professor, Honored lawyer of RF;
Shelutto M.L., PhD (Law)

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor,
corresponding member of the RAE,
Honored lawyer of the RF

Editorial Office:

Lapteva E.A.,
Solovyova D.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial Subscription Centre:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel).

Correspondence Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035. Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru,
www.lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

The journal is included in the database
Russian science citation index

Subscription in Russia:
Unified Catalogue, Russian Press – 15105,
and on www.lawinfo.ru

Printed by National Polygraphic Group Ltd.,
2, Svetlaya st., Kaluga, 248031. Tel.: (4824) 70-03-37

Passed for printing: 01.11.2021.

Edition was published: 18.11.2021.

ISSN 1999-477X

Free market price.

Size 60x90/8.

Offset printing.

Printer's sheet 6,0.

Circulation 3000 copies.

CONTENTS

FAMILY LAW

- A.A. Goncharova.** Problems of the Determination of the Legal Regime of Land Plots Privatized within the Framework of the Land Reform of the 1990s in the Division of Spousal Property 3
- A.I. Lysenko.** Division of Marital Property in Court in Case of Bankruptcy of One of the Spouses 8
- N.A. Matveeva.** The Establishment of Age Requirements for Applicants for the Status of Adoptive Parents, Guardians and Trustees of Minor Wards, Foster Parents 12
- T.I. Nesterova.** The Child's Right to a Name under the Laws of the Russian Federation 15
- E.V. Smirenskaya, A.P. Anisimov.** Legal Counteraction to Sham Marriages in Russia: Trends and Prospects 19
- S.N. Tagaeva, G.G. Bodurova.** Features of Procedural Issues of the Establishment of Paternity under Russian Laws 23
- P.A. Yakushev.** Determination of the Procedure for Communication between Parents and a Child in Germany: Some Aspects of Legislation and the Judicial Practice 28

HOUSING LAW

- O.A. Kovaleva.** A New Look at the Content of the Dwelling Security Principle 31
- A.Sh. Kuzulgurtova.** Features of Protection of Rights of Owners of Detached Houses Located on the Territory of Suburban Cottage Settlements 35
- M.V. Markina.** Transfer of a Residential Premise Used as a Place of Permanent Residence 38
- E.S. Paltseva.** The Implementation of the Principle of Opposability in Residential Premise Lease and Rent Agreements 42
- O.N. Shemeneva.** Legal Interest as a Prerequisite for the Right to Challenge Resolutions of General Meetings of Owners of Residential Premises in Court 45

The journal is recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the RF for publication of basic results of PhD and doctoral theses.

Complete and partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be prosecuted in accordance with law.

Проблемы определения правового режима земельных участков, приватизированных в рамках земельной реформы 90-х годов, при разделе имущества супругов

Гончарова Алина Алексеевна,
доцент кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин
Сергиево-Посадского института игрушки
lynn-goncharova@mail.ru

Цель данной статьи — определить правовой режим земельных участков, приватизированных в 90-е годы, и выяснить, правомерно ли их отнесение к общей совместной собственности супругов. Автором проведен анализ судебной практики и историко-правовой анализ законодательства, регулирующего земельные отношения и деятельность органов местного самоуправления. Выявлена разница между бесплатным выделением земельного участка на основании акта органа местного самоуправления и закреплением в собственность ранее выделенного земельного участка. Предложены поправки к законодательству, устраняющие двоякое толкование закона в отношении имущества, приватизированного одним из супругов во время брака. Рекомендовано относить земельные участки, приватизированные в 90-е годы в рамках земельной реформы, к личной собственности супруга.

Ключевые слова: земельный участок, приватизация, земельная реформа, раздел имущества супругов, общая совместная собственность, личная собственность супруга.

Problems of the Determination of the Legal Regime of Land Plots Privatized within the Framework of the Land Reform of the 1990s in the Division of Spousal Property

Alina A. Goncharova
Associate Professor of the Department of General Humanities and Natural Science Disciplines
of the Sergiev Posad Institute of Toy

The aim of this article is legal regime determination for parcels, privatized in the 90-th's, as well as checking up on legitimacy of their referring to joint spousal ownership. The author analyzed judicial practice and conducted historical review of the legislation regulating land relations and local government bodies functions. The result is revealing the difference between no-cost land allocation implemented pursuant to the local government body's act and transferring the ownership of parcels allocated before. The author proposes legislative amendments eliminating two-fold statutory interpretation in reference to the property privatized by one of spouses during the marriage. She recommends to classify parcels, privatized in the context of the 90-th's land reform, into personal property of the spouse.

Keywords: parcel, privatization, land reform, division of marital property, joint ownership, personal property of the spouse.

Введение

Имущество, относящееся к личной собственности супруга, определено ч. 1 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее также – РФ)¹. Это имущество можно разделить на две группы. Состав первой определен конкретно и не допускает двоякого толкования: это имуще-

ство, принадлежавшее данному гражданину до вступления в брак. Вторая группа – имущество, полученное гражданином во время брака, но безвозмездно. Конкретно определены такие основания, как получение в дар и наследование. Также в эту группу включены иные безвозмездные сделки, перечень которых в указанной правовой норме не приведен.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ

¹ Семейный кодекс РФ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4 июля 2018 г.², было разъяснено, что, «поскольку договоры (сделки) и акты государственных органов (органов местного самоуправления) разделяются законодателем как основания возникновения права собственности в силу пунктов 1 и 2 части 1 статьи 8 Гражданского кодекса РФ, земельный участок, переданный одному из супругов бесплатно на основании акта органа местного самоуправления, невозможно отнести к личной собственности этого супруга».

На основании этого разъяснения существенно изменилась практика правоприменения при разделе имущества супругов. Однако в Обзоре судебной практики не было уточнено, что понимать под бесплатной передачей участка одному из супругов – первичное выделение участка и предоставление его этому гражданину на праве бессрочного пользования или пожизненного наследуемого владения или же закрепление этого участка в собственность (приватизацию). Очевидно, что это разные юридические факты, подтверждающиеся разными документами. Поэтому, на наш взгляд, образовался пробел в праве, приведший к двоякому толкованию закона в отношении приватизированных квартир, признаваемых личной собственностью супруга, и приватизированных земельных участков, признаваемых общей совместной собственностью супругов. Устранение этого пробела должно восстановить равенство участников гражданских правоотношений, выступающее одним из начал гражданского законодательства, и предотвратить вынесение судебных решений, не соответствующих требованиям законности и обоснованности. Таким образом, выбранная тема является актуальной. Однако широкого освещения в научных исследованиях данная проблема не получила.

Ранее Д.В. Пятков поставил под сомнение правомерность противопоставления актов государственных органов и органов местного самоуправления безвозмездным сделкам в области имущественных правоотношений³. О.Н. Низамиева обратила внимание на отсутствие единообразия правоприменения при определении правового режима квартир и земельных участков как объектов приватизации в аспекте отнесения их к личной или совместной собственности супругов⁴. Тем не менее проблема осталась неурегулированной. Имеющиеся единичные исследования не дали достаточно оснований для внесения поправок в законодательство. В данной статье впервые будет предпринята попытка разрешить имеющиеся противоречия в правоприменительной практике, в чем заключается ее научная новизна.

Цель настоящего исследования – определение правового режима земельных участков, приватизированных в

соответствии со ст. 7 Закона РСФСР от 27 декабря 1990 г. № 460-1 «О Земельной реформе»⁵, для законного и справедливого раздела имущества супругов. Для достижения этой цели предстоит решить следующие задачи:

1) проанализировать судебную практику по разделу земельных участков, приватизированных владельцами во время брака;

2) выявить и разъяснить смысл ст. 7 Закона РСФСР от 27 декабря 1990 г. № 460-1 «О Земельной реформе»;

3) доказать невозможность применения правовых норм, на которых основано Определение Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 64-КГ17-10, включенное в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2018), по аналогии к делам о разделе земельных участков, приватизированных в рамках земельной реформы 90-х годов.

Результаты и их обсуждение

Отправной точкой нашего исследования выступает Определение от 28 ноября 2017 г. № 64-КГ17-10⁶, вошедшее впоследствии в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2018). Н. Ким обратилась в суд с иском о расторжении брака с С.Г. Ким и разделе совместно нажитого имущества в равных долях. Из перечня имущества, подлежащего разделу, для нас представляет интерес земельный участок площадью 1286 кв. м для строительства индивидуального жилого дома. Особое значение имеют следующие юридические факты:

1) выделение данного земельного участка на праве бессрочного пользования Решением исполнительного комитета Ново-Александровского сельского Совета народных депутатов Анивского района Сахалинской области от 26 октября 1984 г.;

2) вывод суда о том, что бесплатная передача земельного участка одному из супругов во время брака на основании акта органа местного самоуправления не может являться основанием его отнесения к личной собственности этого супруга.

Однако в дальнейшем стали выноситься судебные постановления с аналогичным обоснованием, но без учета юридического факта, на основании которого возникло вещное право на земельный участок. Сравним несколько дел, в которых суды руководствовались невозможностью отнесения земельного участка к личной собственности супруга в силу того, что он был бесплатно передан ему на основании акта органа местного самоуправления.

Первый пример – в деле № 88-11254/2020⁷ Первый кассационный суд общей юрисдикции посчитал право-

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июля 2018 г.

³ Пятков Д.В. Сделки и административные акты как основания гражданских правоотношений // Современное право. 2002. № 10. С. 11–15.

⁴ Низамиева О.Н. К вопросу о правовом режиме имущества, приватизированного одним из супругов в браке // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 4. С. 136–142.

⁵ Закон РСФСР от 27 декабря 1990 г. № 460-1 «О Земельной реформе» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 64-КГ17-10 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июня 2020 г. по делу № 88-11254/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Таблица 1

Сравнение актов органов МСУ — оснований возникновения права собственности на земельные участки

Дело	Вид акта органа МСУ	Год возникновения права	Юридический факт
64-КГ17-10 (дело семьи Ким)	Решение исполнительного сельского совета народных депутатов	1984	Выделение земельного участка на праве бессрочного пользования
88-11254/2020 (первый пример)	Постановление главы администрации района	1993	Закрепление в собственность земельного участка, ранее принадлежавшего владельцу на ограниченном вещном праве
8Г-4239/2020 (второй пример)	Распоряжение администрации сельсовета	1998	Передача в собственность земельного участка, ранее находившегося в ведении органа МСУ
33-10047/2020 (третий пример)	Постановление администрации муниципального района	2012	Предоставление земельного участка в собственность

мерным отнесение земельного участка к общей совместной собственности супругов вследствие того, что право собственности супруга, на чье имя был зарегистрирован спорный земельный участок, возникло не на основании безвозмездной гражданско-правовой сделки. При этом судом не был учтен тот факт, что представленный в качестве доказательства акт органа местного самоуправления — Постановление главы администрации Сергиево-Посадского района Московской области от 19 апреля 1993 г. № 602/4 «О закреплении земель за садоводческим товариществом “Григорково” и выдаче свидетельств» — являлся правоизменяющим, а не правообразующим. Фактически земельный участок был приватизирован одним из супругов в соответствии со ст. 7 Закона РСФСР от 27 декабря 1990 г. № 460-1 «О Земельной реформе».

Другой пример — в деле 8Г-4239/2020⁸ Шестой кассационный суд общей юрисдикции посчитал правомерным признание права собственности истицы на ½ доли в праве собственности на земельный участок, который был предоставлен в собственность ее супругу Распоряжением администрации Татаро-Каргалинского сельсовета Сакмарского района Оренбургской области № 14 от 28 января 1998 г. для ведения личного подсобного хозяйства под строительство дома. Суд руководствовался тем, что распоряжение о предоставлении земельного участка в собственность не является сделкой. При этом, как следует из материалов дела № 2(1)-84/2019⁹, рассмотренного в первой инстанции Сакмарским районным судом Оренбургской области, изначально земельный участок находился во владении третьего лица, после

чего был передан в ведение администрации сельсовета и только после этого был предоставлен для ведения личного подсобного хозяйства супругу истицы. То есть произошел переход всех имущественных прав на земельный участок от одного лица (Татаро-Каргалинского сельсовета) к другому лицу (супругу).

Третий пример — в апелляционном определении по делу № 33-10047/2020¹⁰ Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Башкортостан подтвердила законность и обоснованность выделения супружеской доли из права общей совместной собственности на земельный участок, который был предоставлен в собственность супруге истца Постановлением администрации муниципального района Иглинский район Республики Башкортостан от 10 сентября 2012 г. № 09-3065 (подробно содержание акта в апелляционном определении не отражено). При этом судом были отклонены доказательства стороны ответчика, что изначально земельный участок был предоставлен супруге истца в 1991 г. до вступления с ним в брак в 2008 г.

Хотя во всех трех рассмотренных примерах и деле семьи Ким право собственности одного из супругов возникло на основании актов органов местного самоуправления, мы видим, что это разные документы, изданные разными органами. К тому же эти документы подтверждали разные юридические факты. Подчеркнем, что акты органов местного самоуправления в рассматриваемых делах издавались в периоды действия разных нормативных правовых актов, регулирующих земельные отношения и деятельность органов местного самоуправления. Для наглядности представим имеющиеся сведения в Таблице 1.

Рассмотрим, в компетенции каких органов находилось предоставление земельных участков гражданам в со-

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 7 апреля 2020 г. по делу № 88-7842/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Решение Сакмарского районного суда Оренбургской области от 28 января 2019 г. по делу № 2(1)-84/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 20 июля 2020 г. по делу № 33-10047/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ответствующие периоды и на основании каких документов оно осуществлялось.

Согласно ст. 12 Земельного кодекса РСФСР от 1 июля 1970 г.¹¹, предоставление земельных участков в пользование осуществлялось в порядке отвода. Отвод земельных участков производился на основании постановления Совета Министров РСФСР или Совета Министров автономной республики либо решения исполнительного комитета соответствующего Совета депутатов трудящихся в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и РСФСР. В постановлениях или решениях о предоставлении земельных участков указывались цель, для которой они отводятся, и основные условия пользования землей. Согласно п. 10 ст. 17 Закона РСФСР от 29 июля 1971 г. «О городском, районном совете народных депутатов РСФСР»¹², предоставление и изъятие земельных участков и разрешение земельных споров находилось в ведении городского Совета народных депутатов. Таким образом, в деле семьи Ким решение исполнительного сельского совета народных депутатов действительно может рассматриваться как основание для отвода земельного участка, т.е. его бесплатной передачи гражданину.

Согласно ст. 18 Земельного кодекса РСФСР от 25 апреля 1991 г.¹³, предоставление земельных участков в пожизненное наследуемое владение, бессрочное (постоянное) пользование и передача их в собственность и аренду подлежало ведению районных (городских, в административном подчинении которых находится район) Советов народных депутатов в области регулирования земельных отношений (действие данной статьи было отменено Указом Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2287¹⁴). Кроме того, согласно ст. 18 Закона РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР»¹⁵, актами, издаваемыми советом народных депутатов, являлись решения. Таким образом, в первом примере — в апреле 1993 г. — предоставление гражданину земельного участка могло быть осуществлено на основании решения совета народных депутатов, но не постановления главы администрации. Соответственно, в данном примере нельзя было принимать постановление главы администрации о закреплении земель в качестве основания для бесплатной передачи гражданину земельного участка.

¹¹ Закон РСФСР от 1 июля 1970 г. «Об утверждении Земельного кодекса РСФСР» (вместе с «Земельным кодексом РСФСР») // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Закон РСФСР от 29 июля 1971 г. «О городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Земельный кодекс РСФСР от 25 апреля 1991 г. // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15/page/1> (дата обращения: 24.04.2021).

¹⁴ Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2287 «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Закон РСФСР «О местном самоуправлении в Российской Федерации» от 6 июля 1991 г. № 1550-1 // СПС «КонсультантПлюс».

Согласно ст. 35 Земельного кодекса РСФСР от 25 апреля 1991 г.¹⁶ (с изменениями от 24.12.1993), рассмотрение заявлений граждан о предоставлении земельных участков находилось в компетенции местных советов народных депутатов. Исходя из норм ст. 29 и 33, по данному вопросу принимались решения. Соответственно, во втором примере — в 1998 г. — предоставление гражданину земельного участка могло осуществляться на основании решения совета народных депутатов. Таким образом, распоряжение администрации сельсовета также не могло выступать основанием для бесплатной передачи гражданину земельного участка.

Согласно ч. 2 ст. 32 Земельного кодекса РФ¹⁷ (в редакции от 30.07.2012), решение о предоставлении земельного участка на основании заявления гражданина рассматривалось исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления. Местная администрация в силу ч. 1 ст. 37 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁸ является исполнительно-распорядительным органом муниципального образования. К видам правовых актов, издаваемых местной администрацией, согласно ст. 43 Федерального закона № 131-ФЗ, относятся постановления и распоряжения. Соответственно, в третьем примере — в 2012 г. — постановление администрации муниципального района могло выступать основанием для бесплатной передачи гражданину земельного участка.

Проанализировав примеры из судебной практики, в которых земельные участки предоставлялись гражданам в периоды действия разных нормативных правовых актов, регулирующих земельные отношения и деятельность органов местного самоуправления, мы можем сделать следующий вывод. Суды не всегда верно определяют юридический факт бесплатного предоставления земельного участка на основании акта органа местного самоуправления в том понимании, какое придавал ему Верховный Суд, вынося определение по делу семьи Ким. Они не придают правового значения виду органа местного самоуправления, уполномоченного на бесплатное предоставление земельных участков гражданам, виду акта органа местного самоуправления, которым оно осуществляется, и юридическому факту, который этим актом подтверждается.

Как видим из примеров, ошибки возникают при решении споров, предметами которых являются земельные участки, право собственности на которые возникло в

¹⁶ Земельный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 25 апреля 1991 г. № 1103-1 (ред. от 24.12.1993) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

90-е годы XX в. В этот период (а именно с 27.12.1990 по 25.10.2001) на основании Закона РСФСР от 27 декабря 1990 г. № 460-1 «О Земельной реформе» действовали местные комитеты по земельной реформе и земельным ресурсам.

Для понимания природы этой ошибки вернемся к первому примеру и проанализируем содержание Постановления главы администрации Сергиево-Посадского района Московской области от 19 апреля 1993 г. № 602/4 «О закреплении земель за садоводческим товариществом "Григорково" и выдаче свидетельств». На основании ст. 7 Закона РСФСР «О Земельной реформе» и решения общего собрания членов садоводческого товарищества глава администрации постановил на основании личных заявлений граждан закрепить в собственность земельные участки с выдачей свидетельств.

Для понимания правового смысла данного постановления обратимся к ст. 7 Закона РСФСР «О Земельной реформе». Она гарантировала сохранение установленного ранее права пользования земельными участками до юридического оформления их в собственность в соответствии с действовавшим законодательством. Следовательно, речь, очевидно, шла о земельных участках, принадлежавших гражданам ранее на праве пользования, а не о первично выделенных. Это подтверждается и упоминанием в постановлении садоводческого товарищества, которое, согласно выписке из ЕГРЮЛ, было создано в 1984 г. и не могло начать действовать ранее, чем были выделены земельные участки гражданам (членам). Здесь мы видим еще одно отличие от обстоятельств дела семьи Ким, где земельный участок был выделен первично.

Выводы

Результаты проведенного нами анализа позволяют заключить, что правовой режим земельных участков, закрепленных в собственность граждан в 90-х годах XX в. в соответствии с проведением земельной реформы, отличается от правового режима земельных участков, первично выделенных гражданам. Указывая на то, что бесплатная передача земельного участка одному из супругов во время брака на основании акта органа местного самоуправления не может являться основанием его отнесения к личной собственности этого супруга, Верховный Суд понимал под бесплатной передачей земельного участка его *первичное выделение* – в том числе на ограниченных

вещных правах (бессрочного пользования или пожизненного наследуемого владения). Однако закрепление земельного участка в собственность в рамках земельной реформы сходно по своей правовой природе с приватизацией жилых помещений. Приватизированные жилые помещения в сложившейся судебной практике относят к личной собственности супруга. Соответственно, и приватизированные земельные участки должны быть отнесены к личной собственности супруга.

Выявленное нами противоречие может быть устранено путем внесения поправок в ст. 34 Семейного кодекса РФ и п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». На основании изложенного предлагаем:

1. Часть 2 ст. 34 Семейного кодекса дополнить абзацем 2 в следующей редакции: *«Общим имуществом супругов является имущество, полученное одним из супругов на основании государственного акта или акта органа местного самоуправления, за исключением земельных участков, закрепленных в собственность в соответствии со статьей 7 Закона РСФСР от 27.12.1990 № 460-1 «О Земельной реформе».*

2. Пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 дополнить абзацем 5 в следующей редакции: *«Для отнесения земельного участка к общей совместной собственности супругов необходимо установить следующие юридические факты:*

1) факт первичного выделения земельного участка гражданину во время брака, то есть факт того, что до возникновения права собственности и до государственной регистрации брака данному гражданину не было предоставлено право пользования данным земельным участком;

2) факт передачи земельного участка бесплатно органом местного самоуправления, уполномоченным на отвод земель в соответствии с законодательством, действовавшим на момент отвода земельного участка;

3) подтверждение факта передачи гражданину земельного участка актом, изданным в пределах компетенции данного органа местного самоуправления.

Данная норма имеет обратную силу применительно к делам, предметом которых выступали земельные участки, закрепленные в собственность в соответствии со статьей 7 Закона РСФСР от 27.12.1990 № 460-1 «О Земельной реформе» до 25.10.2001».

Литература

1. Низамиева О.Н. К вопросу о правовом режиме имущества, приватизированного одним из супругов в браке / О.Н. Низамиева // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 4. С. 136–142.
2. Пятков Д.В. Сделки и административные акты как основания гражданских правоотношений / Д.В. Пятков // Современное право. 2002. № 10. С. 11–15.

Раздел совместно нажитого имущества в судебном порядке при банкротстве одного из супругов

Лысенко Анастасия Игоревна,
магистр юриспруденции, юрист юридической фирмы «ЮрТехКонсалт»
ai.lisenko@yandex.ru

В статье обосновывается вывод о том, что заявление о разделе имущества супругов в натуре в судебном порядке может быть признано злоупотреблением правом. Исследуются выработанные судебной практикой признаки недобросовестной реализации сторонами процессуальных прав.

Ключевые слова: банкротство, конкурсная масса, общее имущество супругов, причинение вреда имущественным правам кредиторов.

Division of Marital Property in Court in Case of Bankruptcy of One of the Spouses

Anastasia I. Lysenko
LL.M., Lawyer at the UrTechConsult Law Firm

The article is concerned with the conclusion that the initiation of legal proceedings the division of the property of the spouses in court can be recognized as an abuse of law. The article examines the signs (developed by courts) of malicious prosecution.

Keywords: insolvency, bankruptcy assets, common property of spouses, damage to property rights of creditors

Банкротство физических лиц зачастую осложнено параллельными делами о разделе совместно нажитого имущества. Подобные споры инициируются супругами должников. При этом не всегда заявленные требования соответствуют декларируемым целям защиты прав супруга-истца. Бывает, что обстоятельства дела свидетельствуют о злоупотреблении правом на судебную защиту.

Поскольку речь идет о конкурсной массе должника, такие споры затрагивают интересы третьих лиц – кредиторов супруга-должника. Следовательно, выработка единых критериев, которые могут свидетельствовать о злоупотреблении правом, необходима для стабильности гражданского оборота, защиты интересов кредиторов и недопустимости использования суда в качестве средств для вывода активов. Стоит отметить, однако, если подлежащее разделу имущество находится в залоге, то при разделе его между супругами залог сохраняется¹.

Общим правилом банкротного права является рассмотрение всех споров, касающихся имущества должника, в

рамках дела о банкротстве². Ряд норм регулирует это правило в том числе для специальных категорий должников. Однако для банкротства физических лиц было установлено иное правило.

Согласно разъяснениям, приведенным в абзаце втором п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» супруг (бывший супруг), полагающий, что реализация общего имущества в деле о банкротстве не учитывает заслуживающие внимания правомерные интересы этого супруга и (или) интересы находящихся на его иждивении лиц, в том числе несовершеннолетних детей, вправе обратиться в суд с требованием о разделе общего имущества супругов до его продажи в процедуре банкротства (п. 3 ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)). Данное требование подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции с соблюдением правил подсудности.

¹ Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики по гражданским и административным делам № 2/2017 (подготовлено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда Чувашской Республики) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Шишмарева Т.П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 34–37.

Подобное регулирование привело к тому, что споры об одном и том же имуществе рассматриваются разными судами. При этом возможны злоупотребления³. Так, если, например, в рамках дела о банкротстве имущество было возвращено должнику в результате оспаривания сделок, то в суде общей юрисдикции половина вернувшегося в конкурсную массу должника имущества может быть отобрана супругом должника.

Не отрицая права супруга на долю в совместно нажитом имуществе, необходимо обратить внимание на существование разных способов осуществить его раздел. Это может быть брачный договор (п. 1 ст. 41 СК РФ), соглашение о разделе имущества (п. 1, 2 ст. 38 СК РФ) или обращение в суд с заявлением о разделе совместно нажитого имущества (п. 3 ст. 38 СК РФ).

Существует обширная судебная практика по признанию недействительными как брачных договоров⁴, так и соглашений о разделе имущества⁵, заключенных в период подозрительности.

Согласно п. 3 ст. 61.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) и подп. 6 п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», под сделками, которые могут оспариваться по правилам главы III.1, понимаются действия, совершенные во исполнение судебных актов, в том числе определений об утверждении мирового соглашения. В связи с чем суды допускают возможность оспаривать действий должника или иных лиц, совершенных за его счет, по передаче имущества во исполнение утвержденного судом мирового соглашения о разделе совместно нажитого имущества⁶.

При этом возражения против раздела имущества, заявленного в судебном порядке, вызывают обоснованные сложности.

Справедливость законодательного решения о праве одного из супругов на долю в совместно нажитом имуществе не вызывает сомнений. Также очевидно, что правом на судебную защиту должны обладать лица, права которых действительно нарушены или существует объективная возможность их нарушения. Суд рассматривает споры и применительно к разделу имущества между супругами, что нашло свое регулирование в законе.

В силу п. 3 ст. 38 СК РФ раздел общего имущества супругов, а также определение долей супругов в этом имуществе

производится в судебном порядке в случае спора между супругами. То есть предполагается, что суд разрешает именно сложный конфликт, где стороны нуждаются в независимом арбитраже, чтобы уладить имущественный спор. В то же время встречаются судебные дела, в которых спор между истцом и ответчиком отсутствует. Ответчик ведет себя пассивно или признает иск, а единственными лицами, которые возражают против иска, становятся кредиторы одного из супругов и/или финансовый управляющий, привлеченные в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования.

Фиктивные споры уже были предметом правового анализа Верховного Суда РФ в контексте включения в реестр требований кредиторов задолженности должника перед аффилированным кредитором, подтвержденной судебным актом. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 23 июля 2018 г. № 305-ЭС18-3009 указано, что характерными признаками судебных споров, инициированных единственно с целью сохранения имущества, в том числе за должником, являются: минимальный необходимый и в то же время внешне безупречный набор доказательств, обычно достаточный для разрешения такого спора; пассивность сторон при опровержении позиций друг друга; признание обстоятельств дела или признание ответчиком иска и т.п. Такие споры носят формальный характер, поскольку интересы должника (ответчика) и истца совпадают, а их воля не направлена на установление истины.

В абзаце третьем п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Ожидаемым поведением от лиц, которые решили обратиться за судебной защитой, является их стремление отстоять свою позицию в целях разрешения спора в свою пользу. В то же время в случаях, когда ни одна из сторон, а особенно ответчик, не проявляет процессуальной активности, необходимо исследовать причины такого пассивного поведения.

На проблему формальных исков о разделе совместно нажитого имущества обратил внимание Свердловский областной суд, который справедливо указал, что для предотвращения злоупотребления правом судам следует проверять, имеются ли в отношении супругов на Интернет-сайте Федеральной службы судебных приставов исполнительные производства с отражением результатов проверки в материалах дела. В частности, инициирование такой проверки рекомендовано в случаях признания иска, заявления ходатайства об утверждении мирового соглашения или рассмотрения дела в порядке заочного производства в связи с неявкой ответчика и отсутствием возражений с его стороны «особенно если

³ Холоденко Ю.В., Бердников С.С. Изменение режима имущества супругов в процедурах банкротства // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 34–38.

⁴ См., например: Постановление АС Уральского округа от 5 августа 2019 г. по делу № А76-25694/2017; Постановление АС Московского округа от 16 декабря 2020 г. по делу № А40-206819/2019; Постановление АС Северо-Западного округа от 21 апреля 2021 г. по делу № А56-158807/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Постановление АС Поволжского округа от 5 апреля 2021 г. по делу № А49-4180/2018; Постановление АС Западно-Сибирского округа от 4 февраля 2021 г. по делу № А45-28172/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановления АС Уральского округа от 22 октября 2018 г. и от 17 июля 2019 г. по делу № А76-17262/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

заявлены требования о передаче имущества в личную собственность одного из супругов»⁷.

Дополнительным подтверждением недобросовестного поведения супругов в таких делах является их пассивная позиция, отказ от активного процессуального участия, отсутствие возражений на иск, продолжение ведения совместного хозяйства и совместное проживание супругов по месту жительства⁸. Указанные признаки с большой вероятностью свидетельствуют о том, что обращение в суд было лишь способом навредить кредиторам одного из супругов или финансовому управляющему в проведении мероприятий по реализации имущества⁹.

В соответствии с абзацем первым ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ, ГК) не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Вопрос о злоупотреблении правом является вопросом факта и подразумевает возможность его установления исходя из фактических обстоятельств конкретного дела и представленных в материалы дела доказательств и, следовательно, устанавливается судами первой и апелляционной инстанций в пределах полномочий, предоставленных им Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Так, если будет доказано, что спор был инициирован не с целью защиты прав истца, а с целью причинения вреда третьим лицам, например, кредиторам в рамках дела о банкротстве, то возможность удовлетворения таких исков должна ставиться под сомнение.

Президиум Нижегородского областного суда обратил внимание, что в случае заявления кем-либо из участвующих в деле лиц о фактах наличия в действиях супругов признаков злоупотребления правом, суд не должен уклоняться от проверки их обоснованности. Установление фактов злоупотребления правом относится к установлению обстоятельств, имеющих значение для дела¹⁰. Особенно это актуально в случаях, когда материально-правовые и процессуальные интересы истца и ответчика полностью совпадают.

Предъявление иска о разделе совместно нажитого имущества в натуре может быть расценено в качестве злоупотребления правом, что является самостоятельным основа-

нием для отказа в иске. Возможные доводы о недопустимости применения ст. 10 ГК к заявленным истцом требованиям могут быть отклонены со ссылкой на то, что применение ст. 10 ГК не является ограничением реализации субъективных прав, а служит средством защиты интересов добросовестного лица от недобросовестного поведения иных лиц.

Тот факт, что возможность раздела имущества в натуре прямо предусмотрена ст. 38 СК РФ, не препятствует признанию действий истца как совершенных со злоупотреблением права на судебную защиту. Последнее выражается именно в том, что лицо использует имеющуюся норму для достижения иных целей, нежели те, которые были заложены законодателем.

То есть в отсутствие законодательно установленного условия раздела имущества супругов в судебном порядке, а именно спора между супругами, суд должен поставить на обсуждение вопрос о возможности разделить имущество во внесудебном порядке и в порядке присуждения истцу денежной компенсации. Так, в одном из дел суд обратил внимание, что о злоупотреблении правом на судебную защиту может свидетельствовать тот факт, что стороны не привели обоснованных доводов о невозможности разделить имущество путем заключения мирового соглашения при отсутствии спора об их разделе¹¹.

В отсутствие противоречий относительно дальнейшей судьбы имущества супруги могут разделить общее имущество по соглашению между собой, которое должно быть нотариально удостоверено. Однако если истец докажет, что им предпринимались попытки заключить с ответчиком соглашение во внесудебном порядке, но ответчик уклонялся, то право истца на раздел должно быть защищено судом.

О злоупотреблении правом на судебную защиту могут свидетельствовать (помимо отсутствия реального спора между супругами, истцом и ответчиком) следующие обстоятельства:

– отсутствие объективной необходимости разрешения жилищного вопроса и/или нарушения права на жилье супруга-истца. Спорные жилые помещения не являются для истца единственным местом жительства (и/или вообще не являются местом фактического проживания). Удовлетворение заявленных им требований не диктуется объективной необходимостью разрешения жилищного вопроса;

– участие (и/или содействие) в отчуждении совместно нажитого имущества. Имущество было возвращено в конкурсную массу в результате оспаривания сделок, совершенных должником или за его счет, и т.п. Стороны уклоняются от обязанности передать имущество финансовому управляющему, несмотря на наличие вступивших в силу судебных актов о признании сделок недействительными;

– истцом заявлен иск о разделе только того имущества, которое включено в конкурсную массу. При этом предметом «спора» не является жилье, которое попадает под исполнительский иммунитет.

⁷ Информационное письмо Свердловского областного суда «Об актуальных вопросах, возникающих при разрешении споров о разделе совместно нажитого в период брака имущества»: утв. президиумом Свердловского областного суда 27 декабря 2018 г. // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 августа 2020 г. по делу № 33-30830/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Будылин С.Л. Все мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 4. С. 90–126.

¹⁰ Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 24 июля 2019 г. по делу № 44Г-26/2019 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 мая 2019 г. по делу № 33-22730/2019 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В практике встречаются дела, где третьим лицам удалось доказать суду злоупотребление со стороны истца и ответчика. Так, в Апелляционном определении от 30 июля 2019 г. по делу № 33-26284/2019 Московский городской суд, отказывая в исковых требованиях о разделе имущества, исходил из того, что реальный спор между сторонами отсутствует, а раздел имущества не был настоящей целью обращения в суд. В итоге суд констатировал, что обращение сторон с подобным иском свидетельствует об их намерении создать дополнительные препятствия в реализации имущества и произведении расчетов с конкурсными кредиторами одного из супругов, что является злоупотреблением правом.

В соответствии с ч. 1 ст. 3 и подп. 4 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ в исковом заявлении должно быть указано, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца. Истец в таких спорах должен обосновать, в чем конкретно выразилось нарушение его прав и законных интересов, доказать наличие для него неблагоприятных последствий.

Требование, содержащееся в исковом заявлении, во всех случаях должно соотноситься с правом, которое, по мнению заявителя, нарушено либо оспорено. Раздел имущества в натуре, как способ защиты прав, не будет способствовать разрешению конфликта (в том числе жилищного, если такой подразумевается), если он отсутствует.

Более того, удовлетворение заявленных требований приведет к еще большему ущемлению прав третьих лиц и самих сторон рассматриваемого дела. Очевидно, что целая квартира имеет большую стоимость, чем сумма $\frac{1}{2}$ доли. Если продавать целую квартиру и впоследствии выплатить супруге компенсацию, то в стоимостном выражении обе стороны – и истец, и ответчик – смогут выручить больше средств, чем от продажи отдельно своей $\frac{1}{2}$ доли. В случае раздела имущества от реализации $\frac{1}{2}$ доли меньше денежных средств получит как конкурсная масса (что, безусловно, нарушит права кредиторов супруга-банкрота), так и истец, что едва ли свидетельствует о разумности такого подхода.

При оценке долевой собственности на объекты недвижимости необходимо учитывать обесценение, скидки на долевой характер такой собственности при продаже недвижимости. По некоторым оценкам, дисконт может составлять до 40%¹². Обесценение актива очевидно. При этом выгоду теряют и кредиторы должника-супруга, которые получают удовлетворение своих требований из меньшей суммы, и супруг-истец, который также

потеряет средства при продаже своей доли отдельно. В итоге наиболее оптимальным и прежде всего наиболее выгодным вариантом является продажа имущества целиком с последующим делением полученной суммы пропорционально между собой.

При наличии возражений относительно раздела имущества супругов, в отношении одного из которых введена процедура банкротства, суду следует поставить на обсуждение вопрос о наличии реального интереса истца именно в выделе $\frac{1}{2}$ доли в совместном имуществе, т.е. в натуре. Законодательством о банкротстве (п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве) уже предусмотрен механизм, позволяющий супругу должника-банкрота получить причитающиеся ему денежные средства путем обращения к финансовому управляющему должника.

При этом существует обоснованная правовая позиция, согласно которой фактическая стоимость актива может быть наиболее полно определена только по результатам проведения конкурентных торговых процедур. «Экспертная оценка доли не может корректно отображать рыночную стоимость имущества, поскольку она имеет предварительный, предположительный характер»¹³. Результаты отчета оценщика, равно как и экспертного заключения, во многом зависят от применяемых методик, выборки используемых исходных данных, субъективного фактора, в том числе от злоупотреблений, связанных как с завышением, так и с занижением цены.

Рассмотрение полученной в результате проведения торгов цены, вырученной от реализации имущества, в качестве действительной (рыночной) стоимости имущества подтверждается судебной практикой¹⁴. Следовательно, в случае установления отсутствия интереса в получении имущества в натуре в виде доли в праве на него следует рассматривать возможность присуждения супругу должника-банкрота компенсации в денежном эквиваленте, определенном по результатам торгов по продаже имущества.

Вывод. В связи с изложенным следует признать, что в отсутствие спора между супругами, истцом и ответчиком, инициирование судебного разбирательства по разделу в натуре только того имущества, которое включено в конкурсную массу ответчика, в отсутствие объективной необходимости разрешения жилищного вопроса (нарушения права на жилье), противоречит ч. 1 ст. 38 СК РФ и является злоупотреблением правом согласно ст. 10 ГК РФ.

¹³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2020 г. № 306-ЭС19-22343 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См., например: Постановление АС Волго-Вятского округа от 17 декабря 2019 г. по делу № А79-12142/2016; Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 5 марта 2021 г. по делу № А33-21574/2019; Постановление АС Московского округа от 22 декабря 2020 г. по делу № А40-193311/2015; Постановление АС Уральского округа от 8 декабря 2020 г. по делу № А76-36466/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: Сколько стоит доля в квартире. URL: <https://pravo.ru/opinion/215936/> (дата обращения: 16.07.2021); Построение регрессионно-корреляционной модели для определения корректировки стоимости доли в квартире: аналитическая статья Научно-производственного центра «СОЮЗОЦЕНКА». URL: http://www.souzotsenka.ru/documents/material_attachments/apartment%27s_share_market_price_research.pdf (дата обращения: 16.07.2021).

Литература

1. Будылин С.Л. Все мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом / С.Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 4. С. 90–126.
2. Холоденко Ю.В. Изменение режима имущества супругов в процедурах банкротства / Ю.В. Холоденко, С.С. Бердников // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 34–38.
3. Шишмарева Т.П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ / Т.П. Шишмарева // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 34–37.

Установление возрастных требований для претендентов на статус усыновителей, опекунов и попечителей несовершеннолетних подопечных, приемных родителей

Матвеева Наталья Алексеевна,
доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве РФ,
кандидат юридических наук, доцент
natamatveeva@rambler.ru

Данная статья посвящена актуальным вопросам требований к лицам, желающим усыновить (удочерить) ребенка, оставшегося без попечения родителей, претендующим стать опекунами или попечителями несовершеннолетних, приемными родителями, а именно установлению ограничения по возрасту (верхнему его пределу) для претендентов на обозначенный статус.

Ключевые слова: усыновление (удочерение), усыновители, ребенок, оставшийся без попечения родителей, опека и попечительство над несовершеннолетними, приемная семья, приемные родители, дети.

The Establishment of Age Requirements for Applicants for the Status of Adoptive Parents, Guardians and Trustees of Minor Wards, Foster Parents

Natalya A. Matveeva
Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Operations
of the Financial University under the Government of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

This article is devoted to topical issues of requirements for persons wishing to adopt (adopt) a child left without parental care, applying to become guardians or guardians of minors, adoptive parents, namely, the establishment of an age limit (its upper limit) for applicants for the designated status.

Keywords: adoption (adoption), adoptive parents, a child left without parental care, guardianship and custody of minors, foster family, foster parents, children.

Российское законодательство устанавливает минимальный возраст для претендентов на статус усыновителей, опекунов и попечителей несовершеннолетних подопечных, приемных родителей, равный восемнадцати годам. Так, на основании п. 1 ст. 127 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) усыновителями могут быть лица обоего пола, достигшие совершеннолетия; п. 1 ст. 146 СК РФ – опекунами (попечителями) детей могут назначаться только совершеннолетние дееспособные лица. Аналогичное требование предъявляется и к претендентам на статус приемных родителей,

поскольку в соответствии с п. 1 ст. 152 СК РФ приемной семьей признается опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем, на срок, указанный в этом договоре. Более того, в п. 2 указанной нормы законодатель уточняет, что к отношениям, возникающим из договора о приемной семье, применяются положения главы 20 СК РФ, посвященной опеке и попечительству, из чего следует, что правила об опеке и попечительстве распространяются на

правоотношения по поводу приемной семьи, в том числе и на вопросы минимального возраста будущих приемных родителей.

Необходимо обратить внимание, что речь идет не только о дееспособности указанных лиц, но и об их совершеннолетию. В связи с этим Верховный Суд Российской Федерации (далее – РФ) разъясняет, что, принимая решение об усыновлении (удочерении) несовершеннолетнего «суду, в частности, следует иметь в виду, что: усыновителями не могут быть несовершеннолетние лица, даже в случае приобретения ими полной дееспособности (статьи 21, 27 ГК РФ), поскольку пунктом 1 статьи 127 СК РФ установлен возрастной ценз для приобретения права быть усыновителем»¹, т.е. имеется прямое указание на совершеннолетие будущего усыновителя. При этом п. 1 ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) уточняет, что совершеннолетие – это достижение восемнадцатилетнего возраста.

Предельный возраст для заявленных категорий лиц не установлен ни одним из ныне действующих нормативных правовых актов Российской Федерации. Аналогично в отечественном семейном законодательстве отсутствует указание на предельный возраст для будущих супругов, хотя в дореволюционной России он ограничивался восьмьюдесятью годами (оба претендента на брак должны были иметь возможность вести полноценную супружескую жизнь, а не камуфлировать браком уход за пожилым человеком в обмен на его материальное благосостояние при жизни и наследование его имущества после смерти).

На современном этапе встречается мнение о необходимости ввести ограничение в том числе по максимально возможному возрасту (верхнему возрастному пределу) претендентов на статус усыновителей, опекунов (попечителей), приемных родителей. Такой точки зрения придерживается, например, В.А. Цымбалюк², полагая, что подобное ограничение будет отвечать интересам несовершеннолетнего при его воспитании и должно совпадать с наступлением пенсионного возраста – периода физиологической неспособности «ежедневно выполнять трудовые обязательства, а следовательно, и воспитание несовершеннолетнего ребенка усыновителю пенсионного возраста будет гораздо сложнее».

С одной стороны, трудно согласиться с такой позицией, поскольку пенсионеру, допустим, и сложнее выполнять определенные функции (поэтому пенсионер и считается лицом нетрудоспособным), чем более молодому поколению, но не невозможно. Наоборот, лица более старшего возраста приобрели жизненный опыт и житейскую

мудрость, спокойствие и возможность больше времени проводить с ребенком, нуждающимся в постоянном общении с близким ему человеком, передающим накопленные знания. Думается, В.А. Цымбалюк, делая отсылку к пенсионерам, которые планируют стать усыновителями, подразумевает, скорее всего, возможную непродолжительную жизнь пожилого человека, а вместе с этим и повторное обретение ребенком статуса оставшегося без попечения теперь уже не родителей, а лиц, их заменяющих, а также правопреемство обязанностей усыновителей их родственниками и свойственниками, зачастую старшими детьми.

По данным Росстата по состоянию на 2019 г.³, средняя продолжительность жизни в Российской Федерации составляла: 68 лет среди мужского населения и 78 лет – среди женского. Анализируя статистические данные, можно предположить, что, став пенсионером, а заодно став по собственной инициативе и на основании соответствующего решения суда, например, и усыновителем, лицо сможет принять участие в становлении личности несовершеннолетнего, скрасив при этом свое одиночество, обретая новый смысл жизни. Тем более в последнее время государство все больше «поворачивается лицом» к пожилым людям, предлагая пройти профессиональную переподготовку с учетом требований современного рынка труда, реализуя иные социальные проекты и программы с целью вовлечения в активный жизненный процесс вместо «дожития». Именно возрастные усыновители, опекуны (попечители), приемные родители, не обремененные трудовыми отношениями, смогли бы путем передачи накопленного жизненного опыта помочь государству решить насущную проблему детей, оставшихся без попечения родителей (по каким бы основаниям дети ни оказались в таком статусе).

С другой стороны, можно разглядеть рациональное зерно в таком предложении – установить предельный возраст для лиц, желающих взять ребенка на воспитание в семью, с одним лишь исключением, касающимся родственников и свойственников ребенка. Думается, несправедливо ограничивать возможность, например, бабушки или дедушки, достигших определенного возраста, взять внука или внучку, оставшихся без попечения родителей, на воспитание, так как имеется возможность сохранить кровнородственные связи, традиции и культуру конкретной семьи.

Законодатель не прошел мимо вопроса необходимости разницы в возрасте усыновителя, не состоящего в браке, и усыновляемого ребенка, которая должна составлять по общему правилу не менее шестнадцати лет. Однако в соответствии с п. 2 ст. 128 СК РФ при усыновлении ребенка его отчимом (мачехой) наличие такой разницы в возрасте не требуется, чтобы у ребенка складывалось отчетливое понимание взаимоотношений его родителей (усыновителей) как с ним, так и друг с другом.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6.

² Цымбалюк В.А. Установление возрастного ценза при усыновлении несовершеннолетнего // Молодой ученый. 2017. № 23.

³ URL: <https://ruxpert.ru/> (дата обращения: 27.06.2021).

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Однако отечественный законодатель не высказывается о предельной возрастной разнице между претендентом на статус усыновителя и ребенком, принимаемым в семью на воспитание.

Подобные примеры встречаются и в нормативных правовых актах зарубежных стран. Так, в ст. 1250 Гражданского кодекса Грузии⁴ указано, что усыновитель должен быть старше усыновляемого не менее чем на шестнадцать лет. При наличии уважительных причин суд может сократить эту разницу в годах, а в § 180 Гражданского кодекса Австрии прямо прописано, что отец-усыновитель и мать-усыновительница должны быть старше усыновляемого ребенка не менее чем на восемнадцать лет; незначительное снижение указанной разницы в возрасте допускается в случае, если между усыновителями и усыновляемым ребенком уже существуют отношения, соответствующие отношениям между родителями и их детьми по происхождению. Если усыновляемый ребенок является ребенком по происхождению супруга лица, усыновляющего ребенка, или состоит в родственных отношениях с усыновителем, то для усыновления достаточно разницы в возрасте усыновителя и усыновляемого в шестнадцать лет.

На основании ст. 343–343.2 Гражданского кодекса Франции⁵ претендовать на статус усыновителей могут одинокие лица, возраст которых составляет более 28 лет, а также супружеские пары, проживающие совместно в течение более 2 лет. В ст. 344 Гражданского кодекса французский законодатель уточняет, что усыновители должны быть на пятнадцать лет старше ребенка, принимаемого в семью на воспитание, и старше на десять лет, если речь идет об усыновлении ребенка другого супруга. О предельном возрасте усыновителей французский законодатель не оговаривается.

Однако в ряде государств законодатели указывают случаи прямого ограничения по верхнему возрастному пределу подобных категорий лиц.

Так, например, Семейный кодекс Республики Молдова от 26 октября 2000 г. № 1316-XIV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.07.2021)⁶ в подп. h) п. 1 ст. 121 «Лица, имеющие право на усыновление» устанавливает, что усыновителями могут быть лица обоих полов, достигшие возраста 25 лет, за исключением в том числе достигших возраста 50 лет (это правило не применяется, если усыновители являются супругами и один из них не достиг возраста 50 лет, если супруг усыновляет ребенка другого

супруга, а также если ребенок проживал в семье будущих усыновителей до достижения ими возраста 50 лет).

В Гражданском кодексе Литовской Республики, утвержденном законом № VIII-1964 от 18 июля 2000 г., регулирующем вопросы семейного права (Третья книга, Семейное право)⁷, в п. 7 ст. 3.269 «Лицо, которое не может быть назначено опекуном (попечителем) ребенка» помимо прочего прямо заявлено возрастное ограничение для указанных категорий граждан: опекуном (попечителем) ребенка не может быть назначено лицо помимо прочего достигшее шестидесяти пяти лет и старше, за исключением близкого родственника, если он хочет временно опекать ребенка моложе, чем десятилетнего возраста.

Встречаются и косвенные указания на предельный возраст усыновителей. Так, п. 2 ст. 211 Семейного кодекса Украины⁸ «Лица, которые могут быть усыновителями» закрепляет, что разница в возрасте между усыновителем и ребенком, которого он желает усыновить, должна быть не менее пятнадцати лет, но и не более сорока пяти лет. Таким способом украинский законодатель выражает озабоченность предельным возрастом лиц, желающих принять в свою семью на воспитание несовершеннолетних граждан.

В соответствии со ст. 1102 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики⁹, вступившего в силу 1 января 2021 г., при усыновлении (удочерении) ребенка противоположного пола лицом, не состоящим в зарегистрированном браке, разница в возрасте между усыновителем и усыновляемым (усыновляемой) не должна быть менее сорока лет.

Таким образом, некоторые зарубежные правовые акты выражают озабоченность вопросом возможности будущих усыновителей, опекунов и попечителей как физически, так и морально, психически поддерживать и защищать принимаемого в свою семью на воспитание ребенка, связывая это не только с состоянием здоровья, но и с возрастом претендента на искомый статус. Как известно, между усыновителем и усыновленным возникают такие же правоотношения, как между кровными по происхождению родителями и детьми. В обычном сознании сложилось представление о том, что родители несовершеннолетнего — это, как правило, молодые люди. В связи с этим можно порекомендовать и отечественному законодателю озаботиться внимательным отношением к данному вопросу.

⁴ URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/grazhd> (дата обращения: 07.09.2021).

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30398164#pos=888;28 (дата обращения: 07.09.2021).

⁷ URL: <https://minjust.gov.ru/semejnoepravolity> (дата обращения: 07.09.2021).

⁸ URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/semejniy-kodeks/razdel-4/#18> (дата обращения: 07.09.2021).

⁹ URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_civil_code_2020_russian/ (дата обращения: 07.09.2021).

Литература

1. Цымбалюк В.А. Установление возрастного ценза при усыновлении несовершеннолетнего / В.А. Цымбалюк // Молодой ученый. 2017. № 23 (157). С. 240–243.

Право ребенка на имя по законодательству Российской Федерации

Нестерова Татьяна Ивановна,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева,
кандидат юридических наук, доцент
nesterova_t_15@mail.ru

Статья посвящена праву на имя, вопросам перемены имени. Следует наделить органы загса правом отказывать в регистрации имени ребенка, если оно не соответствует его интересам. Использование вместо отчества матронима по нашему законодательству не предусмотрено. Ограничения, касающиеся имени ребенка (имя не должно состоять из цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, бранных слов и т.д.), должны касаться и имен совершеннолетних лиц при перемене ими имени. Законодатель должен предоставить органам загса право отказать в регистрации перемены имени, отчества и фамилии, если новое имя нарушает общественные интересы. Следует запретить произвольное изменение гражданами своих имен, отчеств и фамилий, предусмотрев для этого в законе специальные основания, поскольку произвольная перемена имени усложняет гражданский оборот, затрудняет поиск недобросовестных должников и может привести к злоупотреблению правом.

Ключевые слова: право на имя, отчество, матроним, перемена имени, отчества, фамилии.

The Child's Right to a Name under the Laws of the Russian Federation

Tatyana I. Nesterova
Head of the Department of Civil Law and Procedure
of the National Research Ogarev Mordovia State University
PhD (Law), Associate Professor

The article is devoted to the right to a name, issues of name change. It is necessary to give the registry office the right to refuse to register the name of the child if it does not correspond to his interests. The use of the mother's name instead of the patronymic is not provided for under our legislation. Restrictions concerning the child's name (the name should not consist of numbers, alphanumeric symbols, numerals, swear words, etc.) should also apply to the names of adults when they change their name. The legislator must grant the civil registry office the right to refuse to register a change of name, patronymic and surname if the new name violates the public interest. Citizens should be prohibited from arbitrarily changing their names, patronymics and surnames, providing special grounds for this in the law, since an arbitrary name change complicates civil turnover, makes it difficult to find dishonest debtors and can lead to abuse of the right.

Keywords: right to name, patronymic, matronymic, change of name, patronymic, surname.

Согласно ст. 19 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) имя любого российского гражданина включает собственно имя, фамилию и отчество, иное может следовать из закона или национального обычая. Особым образом законодательством урегулирован вопрос об имени ребенка. До внесения Федеральным законом от 1 мая 2017 г. № 94-ФЗ изменений в п. 2 ст. 58 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ, СК), озаглавленной как «Право ребенка на имя, отчество и фамилию», этот пункт содержал следующую норму: «Имя ребенку дается по соглашению

родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальном обычае». То есть не было установлено никаких ограничений для родителей при выборе ими имени ребенка. Однако родители злоупотребляли своими правами, давая имена, не всегда соответствующие интересам детей.

Пожалуй, самое нашумевшее имя в России – БОЧ рВФ 260602 (Биологический Объект Человек рода Ворониных-Фроловых, рожденный 26.06.2002). Фролова М.В. и Воронин В.М. обратились в Чертановский отдел загс

г. Москвы, просили произвести государственную регистрацию рождения, установления отцовства ребенка с указанием фамилии ребенка «Воронин», имени «БОЧ РВФ 260602», отчества «Вячеславович». Решением начальника отдела загс от 11 октября 2002 г. в регистрации рождения ребенка и установлении отцовства с указанием данного имени им было отказано, поскольку указанные в качестве имени аббревиатура и цифры именем не являются. Суд (в том числе и ЕСПЧ) поддержал позицию органов загс, вызванную необходимостью защиты интересов ребенка¹. В Пермском крае родители, называющие себя сатанистами, назвали ребенка Люцифером. В христианстве Люцифер – падший ангел, отождествляемый с дьяволом².

Эти резонансные случаи заставили общество задуматься об обоснованности права родителей на выбор своему ребенку любого имени и праве органов загса отказывать в регистрации подобных имен³.

Федеральным законом от 1 мая 2017 г. № 94-ФЗ в п. 2 ст. 58 СК РФ внесены изменения, и теперь он сформулирован так: «Имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальном обычае. При выборе родителями имени ребенка не допускается использование в его имени цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака «дефис», или их любой комбинации либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы».

Однако родители продолжают давать детям специфические имена. Так, ребенка, родившегося на Алтае, родители назвали Аладдином. Причем до рождения ребенка родители поменяли свои фамилии на фамилию «Сказочные». Соответственно имя ребенка теперь звучит так: Сказочный Аладдин Алексеевич⁴.

В одной семье из Таджикистана двоюродных братьев назвали именами Путин и Шойгу. По словам главы

семьи, следующий ребенок будет назван Собяниным⁵. Мода на необычные, редкие имена поддерживается и звездными родителями. Так, Ирина Юдина назвала дочь своим сценическим псевдонимом – Аврора. Ксения Бородина выбрала для дочери имя Тея (божественная). У Филиппа Киркорова растут дочь Алла-Виктория и сын Мартин. Сына Пугачевой и Галкина зовут Гарри, есть мнение, что в честь волшебника Гарри Поттера из книг Джоан Роулинг⁶.

На всю страну «прославилась» семья Кравцовых. 24 июня 2020 г. у них родилась дочь, и родители назвали ее Шуткой, полное имя девочки – Шутка Игоревна Кравцова⁷. Не будем обсуждать, каким образом органы загса разрешили назвать ребенка таким именем, поскольку можно было отказать, основываясь на основных началах семейного права, зафиксированных в ст. 1 СК РФ, в числе которых – приоритетность защиты прав и интересов несовершеннолетних. Однако очевидно, что п. 2 ст. 58 СК РФ нуждается в пересмотре, поскольку ненадлежащим образом защищает права детей.

Опыт зарубежных стран показывает, что их законодательство может более строго подходить к выбору имени ребенка, принимаются даже специальные законы. Так, в Дании Закон «Об именах собственных» содержит список из семи тысяч разрешенных имен. По ст. 1 Закона Эстонии «Об именах» имя может состоять не более чем из трех пишущихся раздельно имен или двух имен, которые соединяются дефисом. Имя не может содержать цифры и несловесные знаки, противоречить общепринятым нормам добропорядочности. Запрещено присваивать необычные имена, имена, не соответствующие полу лица, имена известных личностей⁸.

В Германии имя не должно вызывать насмешки, ассоциации с общепринятыми понятиями зла (Каин или Иуда), ранить религиозные чувства сограждан (так, неприемлемо имя Христос). Не даются детям в качестве имен известные географические названия, названия торговых марок и титулы (принц, лорд). В Мексике властями штата Сонора утвержден список из 61 имени, которыми запрещено называть детей, так как они могут их дискриминировать, вызывать психологическое и физическое насилие со стороны сверстников. В список, в частности, входят имена Бэтмен, Бургер Кинг, Гарри Поттер, Гермiona, Гитлер, Джеймс Бонд, Леди Ди, Роллинг Стоун, Фейсбук и др.⁹

⁵ Там же.

⁶ Осипенко О. Топ странных и необычных имен, которые давали детям в России // Банки Сегодня. 2020. 25 сентября.

⁷ Нечасова Е. Родителям девочки Шутки вынесли приговор // Экспресс-газета. 2020. 29 сентября.

⁸ Рузакова О.А., Рузаков А.Б. К вопросу о праве ребенка на имя: российская и зарубежная практика // Экономика. Право. Общество. 2017. № 3 (11). С. 94.

⁹ Там же.

¹ Матери мальчика с именем БОЧ РВФ 260602 отказано в регистрации рождения ребенка. URL: <https://forum.garant.ru/?read,1,27087>

² Рузакова О.А. Право ребенка на достойное имя: современные проблемы, вопросы совершенствования российского законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 87–91.

³ Можно привести много других примеров подобных имен, данных родителями детям: Нулолох, Ванзырым, Бабуурод, Христамриадос, Царь, Князь, Господин, Телепортация, Жужа, Тюльпан, Салат Латук, Миллионера, Граф, Дар, Принц, Иван-Коловрат, Меркурий, Кантогор-Егор, Март, Авиадиспетчер, Каспер Ненаглядный, Николай-Никита-Нил, Дельфин, Дельфина, Ярослав-Лютотор, Лука-Счастье, Саммерсет Оушен, Апрель, Полина-Полина, Принцесса Данизлла, Илья Богодар, Заря-Заряница, Дмитрий-Аметист, Еремей Покровитель, Матвей-Радуга, Алеша-Каприна, Оксана, София-Солнышко, Россия, Росияна, Принцесса Анжелика, Лиса, Услава, Голуба, Вишня, Индия, Луна, Ляля, Ангел Мария, Луналика, Радость, Алена-Цветочек, Радостина, София-Солнышко. URL: <https://rg.ru/2013/12/18/imena-site.html>

⁴ Фомина О., Дроботов А., Афанасьева О. Самые необычные имена детей: От Путина до Аладдина // Комсомольская правда. 2018. 5 января.

Врядли в Российской Федерации следует утверждать список запрещенных имен, ведь нельзя предусмотреть все имена, нарушающие права ребенка. Не поможет и список разрешенных имен, из которых можно выбирать, поскольку с течением времени, с увеличением числа межнациональных браков какие-то имена устаревают, возникают новые. Сейчас редкое имя ребенка, пришедшего в детский сад, никого не удивит, потому что там будут дети с именем Савва, Кузьма, Фекла, Марфа. Поэтому считаем, что нужно указать в п. 2 ст. 58 СК и ст. 18 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» на право органов загса отказывать в регистрации имени ребенка, если это противоречит его интересам.

Поскольку разрешается наличие дефиса в имени, то возможно присвоение двух имен через дефис, например, Алла-Валентина. Однако законодательством не разрешен вопрос, можно ли ребенку давать два или несколько имен без дефиса, три имени через дефис и т.д.

Что касается отчества ребенка, то оно дается по имени отца, других вариантов нашим законодательством не предусмотрено, за исключением случаев, если иное предусмотрено национальным обычаем. Например, в соответствии с п. 3 ст. 49 Семейного кодекса Республики Татарстан¹⁰ отчество ребенку по соглашению родителей может быть присвоено путем прибавления к имени отца ребенка слова «улы» (для мальчика), слова «кызы» (для девочки).

В последнее время появилась информация о возможности при регистрации рождения указать в свидетельстве о рождении в графе «отчество» матроним. **Матроним (матчество)**, передаваемый от матери, – противоположность отчества (патронима), передаваемого от отца. Как уже указано выше, использование матронима нашим законодательством не разрешается, п. 4 ст. 58 СК предлагает возможное разрешение споров между родителями, но только в отношении имени и фамилии ребенка, отчество из этого списка исключено.

Однако п. 5 ст. 58 СК говорит о том, каким образом указываются данные об отце в свидетельстве о рождении, если ребенок рожден одинокой матерью. Если отцовство не установлено, имя ребенку дается по указанию матери, отчество присваивается по имени лица, записанного в качестве отца ребенка, фамилия – по фамилии матери. Так, Мария Чернобровкина сообщила в органах загса, что имя отца ребенка – «Марий», соответственно отчество девочки – Марьевна. Ребенка она воспитывает одна, и потому решила, что биологический отец не заслуживает упоминания¹¹.

¹⁰ Семейный кодекс Республики Татарстан 13 января 2009 г. № 4-ЗРТ // СПС «Гарант».

¹¹ «Марьевна»: россиянка дала своей дочери матчество вместо отчества. URL: <https://www.uralweb.ru/news/society/508905-marevna-rossiyankadala-svoey-docheri-matchestvo-vmesto-otchestva.html>

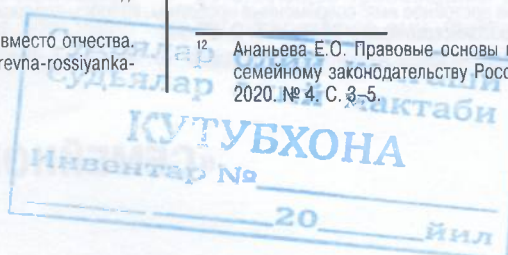
Русской культуре известны случаи, когда человека называли не по отчеству, а используя имя матери. Так, сын князя Ярослава Владимировича (Осмомысла) Олег, рожденный от наложницы, не мог носить отчество отца, поэтому его называли по имени матери – Настасьичем. Внук Владимира Мономаха, рожденный от его дочери Марицы и самозванца, называвшего себя византийским принцем Львом Диогеном, в русских летописях носил имя Василько Маричич. Это подчеркивало его происхождение от русской княгини¹². Таким образом, такие отчества давались как исключение из общего правила. В реалиях современной жизни, когда отец, например, не будет участвовать в воспитании ребенка, матери желают замены отчеств детей на матчества. Однако считаем, что матронимы, свидетельствующие о том, что отец данного ребенка в его жизни не появлялся, нарушают права ребенка, создают повод для обид и насмешек со стороны сверстников.

Фамилия ребенка определяется по п. 3 ст. 58 СК фамилией родителей. При разных фамилиях родителей по их соглашению ребенку присваивается фамилия отца, фамилия матери или двойная фамилия, образуемая путем соединения фамилий отца и матери друг к другу в любой последовательности, если иное не указано в законах субъектов РФ. Двойные фамилии у полнородных братьев и сестер должны быть одинаковыми. Двойная фамилия ребенка не может состоять более чем из двух слов, при написании слова соединяются дефисом. Законами субъектов может быть предусмотрен иной порядок определения фамилии ребенка при разных фамилиях родителей. Так, согласно п. 5 ст. 49 Семейного кодекса Республики Татарстан в этом случае по соглашению родителей ребенку присваивается фамилия отца или матери либо с учетом национальных традиций фамилия ребенка может быть произведена от имени отца или деда ребенка как со стороны отца, так и со стороны матери ребенка.

Нарушением прав ребенка считаем положения п. 3 ст. 17 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», устанавливающего, что по желанию матери сведения об отце ребенка в запись акта о рождении ребенка могут не вноситься. Сведения об отце, даже являющиеся фикцией, должны вноситься, чтобы избежать психологического дискомфорта у ребенка.

Статья 59 СК РФ посвящена изменению имени ребенка. До достижения ребенком возраста 14 лет по совместной просьбе родителей орган опеки и попечительства исходя из интересов ребенка может разрешить изменить имя ребенку, а также фамилию на фамилию другого родителя. Если родители проживают

¹² Анянueva Е.О. Правовые основы присвоения отчества и матчества по семейному законодательству России // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 3–5.

раздельно и родитель, с которым проживает ребенок, желает присвоить ему свою фамилию, орган опеки и попечительства разрешает этот вопрос в зависимости от интересов ребенка и с учетом мнения другого родителя. Учитывать мнение последнего не обязательно при невозможности установления его места нахождения, лишении его родительских прав, признании недееспособным, а также в случаях его уклонения без уважительных причин от воспитания и содержания ребенка.

Если ребенок родился не в браке, и отцовство в отношении него не установлено, орган опеки и попечительства исходя из интересов ребенка вправе разрешить изменить его фамилию на фамилию матери, которую она носит в момент обращения с такой просьбой.

Изменение имени и (или) фамилии ребенка, достигшего возраста десяти лет, может быть произведено только с его согласия.

Таким образом, предусмотрена возможность изменения собственно имени и фамилии ребенка, но не отчества.

Что касается изменения имен, фамилий и отчеств лиц с 14 лет до 18 лет и совершеннолетних лиц, то данному вопросу посвящена глава VII Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Перемена имени производится органом загса по месту жительства или по месту государственной регистрации рождения лица, желающего переменить фамилию, собственно имя и (или) отчество. Перемена имени лицом, не достигшим совершеннолетия, производится при наличии согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя, а при отсутствии такого согласия на основании решения суда, за исключением случаев приобретения лицом полной дееспособности до достижения им совершеннолетия.

Данная глава не устанавливает никаких ограничений для совершеннолетних лиц, можно выбрать любое имя, отчество и фамилию. Статья 11 вышеуказанного Федерального закона устанавливает исчерпывающий перечень оснований для отказа в государственной регистрации акта гражданского состояния: государственная регистрация противоречит данному Федеральному закону; представленные документы не соответствуют требованиям, предъявляемым данным Федеральным за-

коном и иными нормативными правовыми актами. Однако очевидно, что тут тоже должны действовать ограничения, содержащиеся в ст. 58 СК РФ, касающиеся имени ребенка. Имя не должно состоять из цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, бранных слов и т.д. Ограничения в ст. 58 СК установлены в интересах не только ребенка, но и общества. Требуется внести соответствующие дополнения в вышеуказанный Федеральный закон.

Екатеринбуржец Сергей Мухлынин, желая иметь отчество, в котором есть указание и на отца, и на мать, поменял отчество на «Веро-Викторович»¹³. Поскольку в нашем государстве отчество связано только с именем отца, при перемене отчества совершеннолетних лиц эта норма тоже должна соблюдаться. Совершеннолетние лица, так же, как и несовершеннолетние, не должны шокировать окружающих своим именем, следовательно, законодатель должен предоставить органам загса право отказать в регистрации перемены имени, отчества и фамилии, если новое имя нарушает общественные интересы.

В прессе сообщается о многочисленных произвольных изменениях гражданами своих имен. Так, гражданин, носящий в настоящее время имя Древарх Просветленный, с апреля 2003 г. начал периодически изменять имя, фамилию и отчество, при этом часто используя имена известных персон (Владимир Владимирович Путин, Дмитрий Анатольевич Медведев, Жерар Депардьё). К 2012 г. он сменил 23 паспорта¹⁴. Согласимся с мнением о том, что для перемены имени (собственно имени, отчества и фамилии) в законе должны быть установлены основания: неблагозвучность, плохая репутация имени, необходимость защиты частной жизни, защита свидетеля, потерпевшего, государственного служащего¹⁵. Это вызвано тем, что произвольная перемена имени усложняет гражданский оборот, затрудняет поиск недобросовестных должников и может привести к злоупотреблению правом.

¹³ Жителя Екатеринбурга теперь зовут не только по батюшке, но и по матушке: Веро-Викторович. URL: <https://www.newsru.com/russia/26nov2012/patronymic.html>

¹⁴ Древарх-Просветленный. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%85-%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%BB%D1%91%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9>

¹⁵ Молчанов Р.Ю. О правовых основаниях перемены имени // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 1. С. 34–39.

Литература

1. Ананьева Е.О. Правовые основы присвоения отчества и матчества по семейному законодательству России / Е.О. Ананьева // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 3–5.
2. Молчанов Р.Ю. О правовых основаниях перемены имени / Р.Ю. Молчанов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 1. С. 34–39.
3. Нечаусова Е. Родителям девочки Шутки вынесли приговор / Е. Нечаусова // Экспресс-газета. 2020. 29 сентября.
4. Осипенко О. Топ странных и необычных имен, которые давали детям в России / О. Осипенко // Банки Сегодня. 2020. 25 сентября.
5. Рузакова О.А. К вопросу о праве ребенка на имя: российская и зарубежная практика / О.А. Рузакова, А.Б. Рузаков // Экономика. Право. Общество. 2017. № 3 (11). С. 92–97.
6. Рузакова О.А. Право ребенка на достойное имя: современные проблемы, вопросы совершенствования российского законодательства / О.А. Рузакова // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 87–91.
7. Фомина О. Самые необычные имена детей: От Путина до Аладдина / О. Фомина, А. Дроботов, О. Афанасьева [и др.] // Комсомольская правда. 2018. 5 января.

Правовое противодействие фиктивным бракам в России: тенденции и перспективы

Смиренская Елена Витальевна,
доцент кафедры гражданского и международного частного права
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
smirenskayaelena@gmail.com

Анисимов Алексей Павлович,
профессор кафедры гражданского и международного частного права
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
anisimovap@mail.ru

В статье исследуется фиктивный брак как разновидность фиктивных состояний. Предлагаются меры противодействия тенденции увеличения их числа, в том числе связанные с введением в правовое поле категории «фиктивный развод», а также установление ограничений на вступление в брак для лиц, осужденных к лишению свободы. Предлагаемые в статье решения могут представлять интерес для законодателя при совершенствовании норм Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ).

Ключевые слова: фиктивный брак, семья, супруг, регистрация, проживание.

Legal Counteraction to Sham Marriages in Russia: Trends and Prospects

Elena V. Smirenskaya
Associate Professor of the Department of Civil and Private International Law
of the Volgograd State University
PhD (Law), Associate Professor

Aleksey P. Anisimov
Professor of the Department of Civil and Private International Law
of the Volgograd State University
LL.D., Professor

The article examines the fictitious marriage as a kind of fictitious states. Measures are proposed to counteract the trend of increasing their number, including those related to the introduction of the category of "fixed divorce" into the legal field, as well as the establishment of restrictions on marriage for persons sentenced to imprisonment. The solutions proposed in the article may be of interest to the legislator when improving the norms of the Family Code.

Keywords: fictitious marriage, family, spouses, registration, residence.

Любое государство имеет своей целью упорядочение наиболее значимых общественных отношений. Однако обычные граждане не всегда соотносят свои желания со стремлениями государства, что порождает появление фиктивных правовых состояний, типичным примером

которых является фиктивный брак. Фиктивное правовое состояние — это отношение, по форме полностью соответствующее требованиям закона, но по содержанию противоречащее ему. Фиктивными могут выступать не только брак, но и развод, раздел имущества супругов,

признание отцовства, усыновление и т.д. Появление в России фиктивных браков исследователи относят ко второй половине XIX в., когда молодые люди, начитавшись романов Н.Г. Чернышевского, стали формально жениться на девушках, чтобы освободить их из-под родительской власти¹. В современной России главным мотивом заключения фиктивного брака является получение гражданства или вида на жительство — по сообщениям работников Федеральной миграционной службы, 80% таких обращений имеют основанием регистрацию брака, и примерно в 15% случаев такой брак фиктивный².

Кроме получения гражданства, в качестве корыстных мотивов заключения фиктивных браков указываются завладение имуществом (жилым домом, квартирой) другого супруга или получение от него денежных средств. Реже отмечаются мотивы получения социального статуса замужней женщины (для матерей-одиночек), свидание с заключенным, приобретение благозвучной фамилии или родословной, победа в избирательной кампании и ряд других³.

В настоящий момент в российской семейно-правовой науке не сложилось единого понятия фиктивного брака. По мнению одних исследователей, «фиктивный брак — брак, заключенный без намерения достичь тот типовой юридический результат, который должен иметь место в действительном браке, то есть без намерения создать семью»⁴. Другие авторы отмечают, что «фиктивный брак — это брак, заключаемый не на основании намерения супругов или одного из них создать семью, а лишь с целью воспользоваться вытекающими из брака правами и льготами имущественного и иного характера»⁵.

Соглашаясь с указанным подходом, следует заметить, что фиктивным является брак, заключенный без цели создания семьи, который преследует извлечение выгоды (упрощенное получение гражданства, временной регистрации, завладение имуществом другого супруга). При этом обратим внимание, что причиной фиктивных браков редко является намерение обоих лиц, вступающих в брак. Согласно имеющейся судебной практике, обычно только один из супругов преследует корыстные цели, злоупотребляет правом, обманывая второго супруга. Фиктивные браки могут быть признаны недействительными, но все чаще учеными предлагается (со ссылками на опыт ряда

стран) установить за их заключение административную или уголовную ответственность⁶.

Исходя из того, что брак — это не сделка, а институт особого рода, заметим, что проводимое в научной литературе отождествление брака и мнимой сделки⁷ не обосновано, поскольку, в отличие от сделки, брак имеет другую правовую природу, и положения о сделках к нему неприменимы⁸. Институт брака включает ряд психологических, нравственных и иных аспектов, и потому можно говорить о наличии в нем частных и публичных интересов. Данный вывод имеет важное практическое значение: частный интерес в фиктивном браке защищается по иску добросовестного супруга, считающего свои права нарушенными; публичный интерес (когда граждане заключили фиктивный брак, например, для получения гражданства, и всем довольны) защищается по иску прокурора, которому ст. 28 СК РФ предоставила эту возможность.

Каковы же юридически значимые признаки фиктивного брака?

Первый и самый главный такой признак — отсутствие желания создать семью, что обычно доказывается фактом раздельного проживания супругов, отсутствием ведения ими совместного хозяйства. Очевидным признаком является и факт государственной регистрации такого брака (в отличие от фактического брака). Однако толкование этих и других признаков часто различается.

Так, некоторые авторы считают раздельность проживания супругов важным доказательством фиктивности брака⁹. Такой признак и правда часто фиксируется судебной практикой, однако сам по себе он еще ничего не доказывает — в российской провинции многие мужья работают «вахтовым методом» в столице или на нефтяном севере страны, оставаясь при этом примерными семьянинами. Точно так же быстрый развод или ссоры супругов после регистрации брака еще не доказывают фиктивности брака и могут быть проявлением отсутствия терпения и склонности молодежи к компромиссам. Едва ли факт фиктивности брака доказывает факт отсутствия детей (многие пары сознательно не хотят иметь детей, хотя и могут их родить по медицинским показаниям). К числу признаков фиктивного брака иногда относят отсутствие личного общения супругов; отсутствие совместного проживания; отсутствие общих вещей и денежных средств; наличие иной цели (кроме создания семьи) у одного или обоих супругов при заключении брака; большую разницу в возрасте у супругов; наличие фактических брачных от-

¹ Пашенко А.С. История зарождения общественных взглядов на вопросы домашнего насилия в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 4. С. 205.

² Прядко А.А. Фиктивное состояние брака в семейном праве // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 3. С. 182.

³ Филимонова И.В. Фиктивный брак и фиктивный развод как виды фиктивных семейно-правовых состояний // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1. С. 121.

⁴ Гражданское право. Учебник. Часть III / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 1998. С. 333.

⁵ Черячукина С.Ю. Семейное право: учебное пособие. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2002. С. 28.

⁶ Косарева И.А. Некоторые вопросы признания недействительным брака, заключенного без цели создания семьи // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 5. С. 12–16.

⁷ Семейное право: учебник / под ред. Р.А. Прошальгина. Барнаул, 2016. С. 73.

⁸ Лагунова Е.А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2. С. 51.

⁹ Гражданское право. Учебник. Часть III / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 1998. С. 287.

ношений одного из супругов с другим лицом (супружеская измена) и т.д.¹⁰, причем вопрос о наличии или отсутствии между супругами брачных (сексуальных) отношений обсуждается в судах редко.

Отдельный вопрос состоит в том, должен ли такой брак быть фиктивным изначально либо он может стать таковым спустя какое-то время совместной жизни. Некоторые авторы полагают, что если лица после регистрации фиктивного брака какое-то время состояли в супружеских отношениях, то такой брак не является фиктивным и не может быть признан недействительным¹¹. Другие авторы считают, что кратковременные супружеские отношения не оздоравливают брак, поскольку они часто лишь формально имитируются¹². Между тем ст. 29 СК РФ устанавливает, что брак не может быть признан судом недействительным, если к моменту рассмотрения дела такие граждане создали семью.

Обобщая вышеизложенное, считаем, что для более четкой квалификации фиктивного брака необходимо различать его обязательные и факультативные признаки. В числе первых следует выделить отсутствие желания одного или обоих супругов создать семью, наличие хотя бы у одного из них корыстного интереса (гражданство, приобретение прав на жилище и т.д.); наличие государственной регистрации такого брака; право прокурора подать иск о признании его недействительным; наконец, это союз мужчины и женщины.

В качестве факультативных признаков мы предлагаем выделить раздельное проживание супругов; большую разницу в возрасте; отсутствие детей; расторжение брака после достижения одним из супругов корыстных целей. Однако ряд вопросов теории фиктивности брака все еще остаются открытыми.

1. Причины фиктивных браков иногда видят не в пороках личности, а в том, что чем сильнее государство ограничивает права граждан, тем чаще в поисках выхода из создавшегося положения граждане склонны использовать регистрацию брака для достижения целей, далеких от создания семьи. В советский период истории фиктивные браки заключались, например, для переезда в Москву на постоянное место жительства, выезда за рубеж в долгосрочную командировку и т.д.¹³ И хотя применительно к непростой истории России этот вывод интересен, едва ли такие линейные закономерности могут быть признаны полностью.

2. Конструкцию фиктивного брака необходимо ограничивать от смежных правовых категорий. Наиболее близкой к нему по смыслу является брак по расчету – т.е. брак, заключенный хотя и из определенных корыстных побуждений со стороны одного или обоих супругов, однако с безусловной фактической целью создания семьи, тогда как при заключении фиктивного брака подобная цель полностью отсутствует. Данные правовые конструкции иногда отождествляют¹⁴, что неверно. Несмотря на то, что «брак по расчету» имеет негативную оценку в обществе, он не может быть признан недействительным, так как направлен не только на получение каких-то выгод (материальных или иных), но и на установление супружеских прав и обязанностей.

В любом случае рождение ребенка должно полностью исключать фиктивность брака, хотя некоторые российские ученые настаивают на обратном¹⁵.

3. Учитывая тесную взаимообусловленность свободы брака и свободы развода, в СК РФ нужно добавить конструкцию фиктивного развода – например, когда граждане формально разводятся, сохраняя семью, рассчитывая получить при расселении аварийного дома не одну, а две квартиры. Аналогичным образом при фиктивном разводе вновьявленная мать-одиночка может претендовать на государственные социальные пособия для такой категории лиц.

Данную процедуру используют и многие другие категории граждан, начиная от чиновников, желающих скрыть свои доходы, до предпринимателей, выводящих свое имущество из-под процедур банкротства. На наш взгляд, фиктивное расторжение брака – это форма злоупотребления правом, предполагающая двустороннее волеизъявление супругов на формальное расторжение брака без прекращения семейных отношений в целях получения государственных пособий, сокрытия имущества или в иных корыстных целях. Для борьбы с этим явлением следует дополнить СК РФ отдельной статьей, фиксирующей определение и признаки фиктивного расторжения брака, а также его последствия. Это позволит дополнить перечень имеющихся семейно-правовых санкций.

4. В целях защиты интересов добросовестного супруга при признании фиктивного брака недействительным следует расширить перечень оснований для отмены дарения с целью аннулирования договора дарения. Данная мера поможет восстановить имущественное положение добросовестного супруга, введенного в заблуждение супругом, вступившим с ним в фиктивный брак¹⁶.

¹⁰ Каменецкая М.С. Признаки фиктивного брака // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 9. С. 83.

¹¹ Пергамент А.И. Основы законодательства о браке и семье. М., 1969. С. 34.

¹² Королев Ю.А. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2003. С. 77.

¹³ Фетохин Ю.М. Институт брака по новому семейному законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 171–172.

¹⁴ Комиссарова С.В. Заключение брака из корыстных побуждений и его правовые последствия // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 4. С. 56.

¹⁵ Максимович Л.Б. Фиктивный брак // Закон. 1997. № 11. С. 74–75.

¹⁶ Никитин Д.Н. Правовое регулирование личных неимущественных отношений супругов: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

5. В деле борьбы с фиктивными браками несомненной представляется стратегия на повышение участия государства. Между тем едва ли России подойдет зарубежный опыт, связанный с расширением полномочий органа государственной регистрации браков, чтобы он мог не регистрировать сомнительные браки (хотя в Бельгии это работает)¹⁷. Скорее всего, в российских условиях это создаст дополнительную почву для коррупции. Другое дело, что закон может установить императивное правило о том, что получение гражданства иностранцем возможно не ранее 3 лет после заключения брака. Соответственно, при проживании в браке менее 5 лет гражданство прекращается.

6. В последние годы отмечается тенденция увеличения числа заключения браков лицами, осужденными к уголовному наказанию в виде лишения свободы. Причины этого феномена банальны – осужденные вступают в брак без намерения создать семью, а лишь для полу-

юрид. наук. Курск, 2013. С. 10.

¹⁷ Фролов А.И., Агуреева М.В. Фиктивный брак в российском семейном праве: проблемы регулирования и пути их решения // Юридическая наука и практика. 2020. Том 16. № 1. С. 24.

чения материальной поддержки (передач) или длительных свиданий в период отбывания наказания в виде лишения свободы, т.е. значительное количество заключаемых осужденными браков являются объективно фиктивными¹⁸. Между тем СК РФ не содержит для этого препятствий и не считает подобные браки недействительными. На наш взгляд, в данном случае отсутствуют все признаки семейной жизни, включая совместное проживание или ведение общего хозяйства. В этой ситуации представляется, что возможность вступления в брак для осужденных должна быть ограничена (как ограничена для них возможность реализовывать другие акты гражданского состояния, например, перемену имени или усыновление), поскольку в противном случае мы имеем типичный пример фиктивного брака.

Представляется, что высказанные соображения могут представлять интерес в ходе дальнейшего совершенствования семейного законодательства РФ.

¹⁸ Блинков О.Е., Толченкина М.Э. О фиктивности брака с участием лиц, осужденных к лишению свободы // Семейное и жилищное право. 2014. № 6. С. 7–11.

Литература

1. Блинков О.Е. О фиктивности брака с участием лиц, осужденных к лишению свободы / О.Е. Блинков, М.Э. Толченкина // Семейное и жилищное право. 2014. № 6. С. 7–11.
2. Гражданское право. В 3 частях. Ч. 3 : учебник / подготовлено: Е.Ю. Валявина, Н.П. Василевская, Н.Д. Егоров [и др.] ; под редакцией А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Москва : Проспект, 1998. 592 с.
3. Каменецкая М.С. Признаки фиктивного брака / М.С. Каменецкая // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 9. С. 82–85.
4. Комиссарова С.В. Заключение брака из корыстных побуждений и его правовые последствия / С.В. Комиссарова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 4. С. 55–58.
5. Королев Ю.А. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Ю.А. Королев. Москва : Юстицинформ, 2003. 415 с.
6. Косарева И.А. Некоторые вопросы признания недействительным брака, заключенного без цели создания семьи / И.А. Косарева // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 5. С. 12–16.
7. Лагунова Е.А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики / Е.А. Лагунова // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2. С. 50–56.
8. Максимович Л.Б. Фиктивный брак / Л.Б. Максимович // Закон. 1997. № 11. С. 73–76.
9. Никитин Д.Н. Правовое регулирование личных неимущественных отношений супругов: вопросы теории и практики : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Д.Н. Никитин. Курск, 2013. 26 с.
10. Пащенко А.С. История зарождения общественных взглядов на вопросы домашнего насилия в России / А.С. Пащенко // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 4. С. 196–203.
11. Пергамент А.И. Основы законодательства о браке и семье / А.И. Пергамент. Москва : Знание, 1969. 80 с.
12. Прядко А.А. Фиктивное состояние брака в семейном праве / А.А. Прядко // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 3. С. 181–183.
13. Семейное право : учебник / под редакцией Р.А. Прошалыгина. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. 220 с.
14. Фетюхин Ю.М. Институт брака по новому семейному законодательству Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / Ю.М. Фетюхин. Волгоград, 2000. 219 с.
15. Филимонова И.В. Фиктивный брак и фиктивный развод как виды фиктивных семейно-правовых состояний / И.В. Филимонова // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1. С. 120–124.
16. Фролов А.И. Фиктивный брак в российском семейном праве: проблемы регулирования и пути их решения / А.И. Фролов, М.В. Агуреева // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 1. С. 17–30.
17. Черячукина С.Ю. Семейное право : учебное пособие / С.Ю. Черячукина. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2002. 76 с.

Использование материалов в других изданиях
допускается только с письменного согласия редакции.

Ссылка на журнал обязательна.

Особенности процессуальных вопросов установления отцовства по российскому законодательству

Тагаева Санавбар Назиркуловна,
профессор кафедры гражданского права Университета управления «ТИСБИ»,
доктор юридических наук
s.tagaeva@mail.ru

Бодурова Гулшан Гурезовна,
старший преподаватель кафедры международного и европейского права
Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук
bodurova.gulshan@gmail.com

Статья посвящена процессуальным вопросам установления отцовства. Авторы особо акцентируют внимание на том, что установление факта отцовства с учетом интересов несовершеннолетнего ребенка имеет важное значение для воспитания здоровой личности. В целом известно, что установление происхождения детей является предпосылкой для возникновения родительских правоотношений между родителями и детьми. В связи с этим важно, чтобы процессуальные вопросы установления отцовства всецело отвечали интересам ребенка.

Ключевые слова: установление отцовства, ребенок, брак, родители, судебный порядок.

Features of Procedural Issues of the Establishment of Paternity under Russian Laws

Sanavbar N. Tagaeva
Professor of the Department of Civil Law of the University of Management TISBI
LL.D.

Gulshan G. Bodurova
Senior Lecturer of the Department of International and European Law of the Law Faculty
of the Kazan (Volga Region) Federal University
PhD (Law)

The article is devoted to the procedural issues of establishing paternity. The authors especially focus on the fact that the establishment of the fact of paternity, taking into account the interests of a minor child, is important for the upbringing of a healthy person. In general, it is known that the establishment of the origin of children is a prerequisite for the emergence of parental legal relations between parents and children. In this regard, it is important that the procedural issues of establishing paternity are fully in the interests of the child.

Keywords: establishing paternity, child, marriage, parents, judicial order.

Вопрос об установлении происхождения детей в семейно-правовых отношениях имеет практическое значение, поскольку влечет за собой определенные юридические последствия.

Процедура установления отцовства во многом зависит от того, состоит ли мужчина в браке с матерью

ребенка или нет. Как правило, действует *презумпция отцовства супруга матери ребенка*. Последнее означает, что предполагаемый отец ребенка – это муж матери данного ребенка. На практике в большинстве случаев вопрос об установлении отцовства не возникает, если муж и жена находятся в зарегистрирован-

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ном браке и у них рождается ребенок. В этом случае соответствующие органы, делая запись о матери ребенка, в качестве отца ребенка безоговорочно записывают мужа матери. Основывается данное действие на документе, подтверждающем наличие брака. Таковым является *свидетельство о заключении брака, предъявления которого наряду с медицинскими документами о рождении ребенка и документа, подтверждающего личность родителей (одного из них), достаточно для того, чтобы в книге записи рождений были сделаны соответствующие записи о матери и отце ребенка* (п. 2 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Дополнительных доказательств при этом органы записи актов гражданского состояния не требуют. То есть предполагается, что мать и отец ребенка заранее известны, поскольку находятся в браке.

При этом органы записи актов гражданского состояния возражения супруга матери относительно записи его в качестве отца ребенка, если таковые имеются, не принимают во внимание. Единственным исключением из этого правила является, пожалуй, **процедура оспаривания отцовства**. Последнее означает, что муж матери ребенка, хоть и находящийся с нею в браке, полагая, что отцом как таковым не является, может обратиться в суд с тем, чтобы оспорить отцовство (п. 1 ст. 52 СК РФ). Но *оспаривание отцовства возможно лишь в судебном порядке и при предоставлении определенных доказательств, подтверждающих отсутствие биологического, кровного родства между супругом женщины и родившимся у нее ребенком*. Безусловно, подобный порядок, установленный Семейным кодексом РФ, вызывает немало замечаний. Вопрос о соответствии записи, сделанной в органах ЗАГС, в действительности решает суд, поскольку указанные органы возражений не принимают и производят соответствующую запись при наличии определенных в законе¹ документов. Г.С. Демидова, в частности, отмечает, что вместо того, чтобы изначально в запись акта о рождении ребенка внести подлинную информацию, закон обязывает внести неверную информацию, а затем предоставляет возможность оспорить отцовство «*посредством долгой и унижительной процедуры публичного разбирательства интимной жизни матери ребенка*»².

Наличие процедуры оспаривания отцовства (равно как и материнства, что на практике встречается гораздо реже) наводит на мысль, что презумпцию записи при регистрации рождения ребенка в качестве

отца мужа матери ребенка нельзя считать аксиомой. Мужу матери ребенка, чтобы подтвердить обратное, надо будет предъявить достаточно обоснованные аргументы, опровергающие факт отцовства. Поскольку, как правило, время зачатия ребенка не имеет значения, во внимание принимается факт регистрации брака, которая может быть произведена и после зачатия ребенка. В связи с этим *при оспаривании отцовства бремя доказывания лежит на лице, подающем иск об исключении его из записи о рождении ребенка в качестве отца*. Убедительными доказательствами могут быть, к примеру: неспособность данного мужчины к деторождению (бесплодие), удостоверенное медицинской справкой об этом; анализ группы крови ребенка и мужа матери, также свидетельствующие о том, что муж матери ребенка не является его биологическим отцом. Возможны также и доказательства, безоговорочно свидетельствующие о том, что муж и жена во время зачатия ребенка не жили вместе, и т.д.

Правило о предположении отцовства супруга матери ребенка продолжает действовать также и в случаях развода (расторжения брака), признания брака недействительным или смерти супруга матери. В перечисленных случаях отцом ребенка признается супруг матери (бывший супруг матери), если со дня расторжения брака или признания его недействительным либо же смерти супруга матери прошло не более 300 дней (п. 2 ст. 48 СК РФ). Устанавливая подобные сроки, законодатель ориентируется на предполагаемый срок зачатия ребенка и период вынашивания ребенка. Предполагается, что в течение этого периода, к примеру, при расторжении брака, женщина уже находилась в состоянии беременности, а следовательно, отцовство очевидно, поскольку она находилась в брачных отношениях с данным мужчиной.

Доказывание отцовства и запись в акте о рождении ребенка супруга матери или бывшего супруга матери в качестве отца ребенка производятся на основании документов, подтверждающих наличие брачных отношений между матерью и отцом ребенка, а при расторжении брака также можно предоставить документ, подтверждающий время прекращения брака. Исходя из указанных документов исчисляется срок беременности, и если устанавливается, что до момента рождения ребенка не прошло 10 месяцев со дня прекращения брака, признания его недействительным или смерти супруга матери, то органы ЗАГС в запись акта о рождении ребенка вносят соответствующие сведения об отце ребенка.

В законодательстве некоторых стран (Германия, Польша) презумпция «отец ребенка – супруг матери» проявляется дифференцированно. В соответствии с п. 1 § 1592 Германского гражданского уложения

¹ Таковыми являются Семейный кодекс РФ и Закон об актах гражданского состояния.

² Демидова Г.С. Особенности внесения сведений об отце при государственной регистрации рождения ребенка // *Цивилист*. 2008. № 4. С. 74.

предпочтение также отдается презумпции, что отцом ребенка признается супруг матери. Но в отличие от российского законодательства, здесь если после расторжения брака или признания его недействительным в течение 300 дней до родов мать ребенка выходит замуж, то отцом в записи акта о рождении ребенка записывается новый супруг матери. Немецкий законодатель, по всей вероятности, исходит из позиции обеспечения интересов ребенка. Ему лучше полагать, что он живет с отцом, нежели думать, что кровный отец живет далеко. Не следует допускать, чтобы ребенок рос, как отмечает А.М. Нечаева, «ущербным физически и нравственно»³. Ведь гибкость семейных правоотношений обусловлена сложностями в налаживании отношений между членами семьи. Отношения в семье строятся, как правило, на духовных и моральных началах, а не на правовых. В связи с этим законодательные предписания должны иметь цель обеспечения налаживания семейных отношений и направления их в нужное русло, т.е. проявляться на охранительной стадии, когда вмешательство правовых норм необходимо.

На основании вышеизложенного полагаем, что на законодательном уровне процессуальные вопросы установления и оспаривания отцовства должны отвечать прежде всего интересам ребенка, а не основываться на императивном разграничении компетенций между государственными органами.

Не менее интересен и спорен, на наш взгляд, случай *установления отцовства фактическим отцом, который к моменту рождения ребенка не является супругом матери ребенка*. Как отмечает Н.Н. Тарусина, наличие или отсутствие брачных отношений между отцом и матерью ребенка оказывает существенное влияние на основание установления происхождения ребенка⁴.

К примеру, мать ребенка, состоящая в браке, и фактический (биологический) отец ребенка лишены правовой возможности подать совместное заявление в орган ЗАГС, чтобы установить отцовство и записать в качестве отца ребенка не супруга матери, поскольку супругом матери является другое лицо. Заинтересованное в установлении отцовства лицо может подать соответствующий иск только в суд, чтобы исключить из записи акта о рождении ребенка супруга матери и установить отцовство в свою пользу. Представляется, что в подобных случаях законодатель, отдавая предпочтение социальным факторам, преследует цель сохранения семьи и обеспечения воспитания ребенка в полноценной семье. Но здесь же можно привести и

другой пример, который разрушает такой приоритет социального родительства. При обращении фактического (биологического) отца ребенка в суд с иском об оспаривании записи об отцовстве и установлении отцовства в свою пользу, даже вопреки воле матери ребенка и ее мужа, воспитывающего ребенка как своего родного, суд при достаточных доказательствах признает отцом ребенка заявителя. В данном случае идея социального родительства, безусловно, рушится. Последнее имеет непосредственно отрицательное влияние на воспитание ребенка. Поскольку в силу своего возраста ребенок не способен понимать фактическую суть происходящего, у него складывается неправильное представление о семье и его ценностях. Он не может ответить на вопрос, почему его отец не живет с ним, а мужчина, проживающий с ним и с его мамой, ему не отец. Изначально, с детского возраста, у него уже складывается искаженное представление о роли мужчины и женщины в семье и их обязательствах по отношению к детям. В связи с этим полагаем, что исключительно в интересах ребенка, воспитания здоровой и физически, и духовно личности, процессуальные вопросы установления процедуры отцовства требуют пересмотра.

Интересной и одновременно дискуссионной представляется также норма п. 4 ст. 48 СК РФ, согласно которой установление отцовства в отношении лица, достигшего возраста 18 лет (совершеннолетия), допускается только с его согласия, а если оно признано недееспособным, — с согласия его опекуна или органа опеки и попечительства. По смыслу данной статьи установление отцовства в отношении лиц, не достигших возраста 18 лет, устанавливается без их участия. В силу этого возникает вопрос, всегда ли установление отцовства соответствует интересам ребенка.

О.Ю. Ильина справедливо отмечает, что целесообразно данное положение семейного законодательства дополнить нормой следующего содержания: «При рассмотрении требования об установлении отцовства в отношении ребенка, достигшего возраста 10 лет, удовлетворение иска об установлении отцовства возможно только при наличии согласия данного ребенка»⁵. Конечно, совершеннолетнее лицо — личность, сформировавшаяся как с биологической, так и с социальной точки зрения. Но при этом не следует умалять психическое развитие ребенка до достижения им 18-летнего возраста. Ребенок, пожалуй, к 10-летнему возрасту начинает отчетливо осознавать сущность и значимость происходящего, может свободно выражать свою точку зрения. Статья 57 СК РФ, к примеру, устанавливает, что учет мнения ребенка,

³ Нечаева А.М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М.: ИД «ГРААЛЬ», 1996. С. 103–104.

⁴ Тарусина Н.Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 252.

⁵ Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. С. 68.

достигшего возраста 10 лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. При этом законодательство допускает возможность для ребенка в случаях, затрагивающих его интересы, свободно выражать свое мнение и быть заслушанным даже в ходе судебного разбирательства. Отсутствие юридически закрепленной возможности учитывать мнение ребенка относительно установления отцовства, противоречит его интересам.

Семейное законодательство также регламентирует вопрос об **установлении судом факта признания отцовства** (ст. 50 СК РФ). Установление факта признания отцовства предполагает, что в случае смерти лица, которое при жизни признавало себя отцом ребенка, но тем не менее не состояло с матерью ребенка в брачных отношениях, по заявлению заинтересованного лица факт признания им отцовства может быть установлен в судебном порядке.

Рассматривая казусы установления отцовства при отсутствии зарегистрированного брака, следует обратить внимание и на **процедуру оспаривания отцовства**.

В п. 2 ст. 51 СК РФ содержится правило, согласно которому при отсутствии зарегистрированного брака установление отцовства возможно:

- 1) в случае совместного заявления отца и матери ребенка;
- 2) в случае смерти матери, признания ее недееспособной, невозможности установления места ее нахождения или лишения ее родительских прав по заявлению отца ребенка с согласия органа опеки и попечительства;
- 3) по решению суда.

При этом в соответствии с п. 2 ст. 52 СК РФ при наличии указанных оснований установления отцовства *требование лица, записанного отцом ребенка и не состоящего в браке с матерью, об оспаривании отцовства не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически отцом ребенка не является*. Данная норма характеризуется некой императивностью. Императивность данной нормы можно только приветствовать, что объясняется наличием сугубо социально-психологических факторов. Ребенок, вне зависимости от возраста, испытывает привязанность к своим родителям. Духовное начало, заложенное в отношении ребенка к родным ему людям, в частности к матери и отцу, предопределяет его дальнейшее нормальное психофизическое развитие и, наконец, закладывает основу для устойчивого воспитания личности. Поэтому информация о том, что лицо, которого ребенок считал своим отцом, в действительности им не является, может серьезно повлиять на ребенка, его отношение к себе и к миру. Тем более если такое лицо

оспаривает отцовство в судебном порядке самым уничижительным образом, это может негативно отразиться на психическом состоянии ребенка.

Заметим, что в постановлении Пленума ВС РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» указывается, что предусмотренное п. 2 ст. 52 СК РФ правило не исключает право мужчины оспаривать произведенную запись по мотивам нарушения волеизъявления (например, если заявление об установлении отцовства было подано под влиянием угроз, насилия либо в состоянии, когда истец не был способен понимать значение своих действий или руководить ими).

Конечно же, семейные правоотношения относятся к числу самых сложных общественных явлений. Норма права, регулируя и устанавливая порядок в юридическом смысле, не может «достучаться» до духовного, морального взаимодействия субъектов. В указанной норме (п. 2 ст. 52 СК РФ), запрещающей лицу оспаривать отцовство в судебном порядке, безусловно, учитываются интересы ребенка.

Не вызывает сомнений, что установление отцовства помимо соблюдения определенных юридических правил и формальностей имеет важное значение для полноценного развития ребенка.

Следующий процессуальный вопрос, обращающий на себя внимание, это вопрос *о записи, произведенной в свидетельстве о рождении ребенка*. Если отцовство установлено, то в запись акта о рождении ребенка вносятся данные отца и соответственно матери ребенка (п. 3 ст. 58 Кодекса). Другое дело, когда отцовство не установлено (в случае рождения ребенка у матери, не состоящей в браке, при отсутствии совместного заявления родителей) либо в установлении отцовства по указанным ранее основаниям отказано. В данном случае предусмотрена возможность осуществить фиктивную запись, а именно – фамилия отца ребенка записывается по фамилии матери, а имя и отчество отца ребенка – по ее указанию (п. 3 ст. 51 СК РФ). Более того, п. 3 ст. 17 Закона об актах гражданского состояния допускает по желанию матери сведения об отце ребенка в запись акта о рождении ребенка вовсе не вносить. Не противоречит ли узаконенная «вольность» со стороны матери естественным правам ребенка на фамилию, имя и отчество или его праву знать своих родителей? В действительности допущенная законодателем фикция есть мера по выходу из сложившихся жизненных обстоятельств, когда более оптимальные варианты решения проблемы отыскать не представляется возможным. Тем не менее цивилисты «бьют тревогу», считая недопустимым вольное обращение с записью в акте рождения ребенка со стороны матери, и при этом указывают, что в

данном случае налицо «вопиющие противоречия» как нормам СК РФ, так и Конвенции о правах ребенка⁶.

Полагаем, что узаконенная возможность осуществлять фиктивную запись относительно сведений о родителях ребенка со стороны матери должна быть ограничена определенными рамками. Субъективное право матери должно в первую очередь быть обусловлено интересами ребенка, а не сугубо личными воззрениями, сложившимися в силу жизненных обстоятельств. В силу этого возможность ставить прочерк в графе «отец ребенка» или не соответствующие действительности имя и отчество отца ребенка, зафиксированные по указанию матери, должна носить строго индивидуальный характер и не использоваться

как неограниченное право матери. Бывают случаи, когда отец ребенка известен, но в силу сложившихся жизненных обстоятельств мать ребенка не желает или препятствует установлению отцовства, а следовательно, и «праву жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, праву знать своих родителей, праву на их заботу...» (п. 2 ст. 54 СК РФ).

В связи с этим полагаем, что вопрос об установлении отцовства в отечественном законодательстве должен решаться исходя прежде всего из интересов ребенка, а не жестких правовых предписаний. Важным в данном случае является воспитание здоровой личности. Надо признать, что дети в силу их физической и умственной незрелости нуждаются в особом к ним отношении, в частности в защите и заботе. Более того, отношения в семье строятся на основе духовных и моральных начал, а не правовых.

⁶ Демидова Г.С. Особенности внесения сведений об отце при государственной регистрации рождения ребенка // Цивилист. 2008. № 4. С. 73.

Литература

1. Демидова Г.С. Особенности внесения сведений об отце при государственной регистрации рождения ребенка / Г.С. Демидова // Цивилист. 2008. № 4. С. 72–74.
2. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации / О.Ю. Ильина. Москва : Городец, 2006. 192 с.
3. Нечаева А.М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство) / А.М. Нечаева. Москва : ГРААЛЬ, 1996. 239 с.
4. Тарусина Н.Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна : монография / Н.Н. Тарусина. Ярославль : ЯрГУ, 2009. 615 с.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Актуализирован порядок осуществления регионального государственного жилищного контроля (надзора)

Определено, что объекты государственного жилищного надзора необходимо относить к одной из следующих категорий риска причинения вреда (ущерба): высокий риск; средний риск; умеренный риск; низкий риск.

В связи с отнесением объекта к одной из указанных категорий риска установлена периодичность проведения в отношении него таких плановых контрольных мероприятий, как инспекционный визит, документарная проверка и выездная проверка.

Постановлением также закрепляются особенности организации проведения профилактических мероприятий, к которым относятся информирование, обобщение правоприменительной практики, объявление предостережения, консультирование и профилактический визит.

Кроме этого, уточнены объекты и предмет надзора и закреплено, что деятельность юридических лиц или ИП, осуществляющих предпринимательскую деятельность по управлению многоквартирными домами на основании лицензии, объектом государственного жилищного надзора не является.

Постановление Правительства РФ от 11 июня 2013 г. № 493, закрепляющее аналогичные положения, признано утратившим силу.

*См.: Постановление Правительства РФ от 30.09.2021 № 1670
«Об утверждении общих требований к организации и осуществлению
регионального государственного жилищного контроля (надзора)»*

Определение порядка общения родителей с ребенком в Германии: некоторые аспекты законодательства и судебной практики

Якушев Павел Алексеевич,
судья Владимирского областного суда, доцент кафедры судебной деятельности
Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
кандидат юридических наук, доцент
yakushev.PA@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты правового регулирования определения порядка общения родителей с ребенком в Германии. Анализируются примеры из судебной практики судов Германии по делам об определении порядка общения с ребенком. Проводится сравнение указанного правового института в России и Германии.

Ключевые слова: споры о детях, права ребенка, права и обязанности родителей, традиционные семейные ценности, порядок общения с ребенком, родительская забота.

Determination of the Procedure for Communication between Parents and a Child in Germany: Some Aspects of Legislation and the Judicial Practice

Pavel A. Yakushev
Judge of the Vladimir Regional Court
Associate Professor of the Department of Judicial Activities of the Vladimir State University
PhD (Law), Associate Professor

The article deals with some aspects of legal regulation of imposition the order of communication of parents with a child in Germany. The article analyzes examples from the judicial practice of the German courts in cases of imposition the order of communication of parents with a child. A comparison of this legal institution in Russia and Germany is made.

Keywords: disputes about children, the rights of the child, the rights and duties of parents, traditional family values, imposition the order of communication with the child, parental care.

Для гармоничного развития ребенка, его надлежащей социализации, полноценного раскрытия способностей, душевных качеств необходимо участие в его воспитании как матери, так и отца¹. Именно поэтому семейное и гражданское законодательство России и зарубежных стран исходит из того, что проживание ребенка с одним из родителей не должно лишать ребенка права на общение с родителем, проживающим отдельно. Соответственно, отдельно проживающий родитель вправе общаться с ребенком и принимать участие в его воспитании. При этом родитель, с которым ребенок проживает, должен не препятствовать другому родителю в общении с ребенком. Статья 66 Семейного кодекса Рос-

сийской Федерации предусматривает, что спор родителей относительно порядка осуществления родительских прав разрешается судом.

В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»² разъяснено, что при определении порядка общения родителя с ребенком принимаются во внимание возраст ребенка, состояние его здоровья, привязанность к каждому из родителей и другие обстоятельства, способные оказать

¹ См.: Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика : монография. М. : Проспект, 2018. С. 3–5.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 7.

воздействие на физическое и психическое здоровье ребенка, на его нравственное развитие.

В абзаце четвертом раздела «Рассмотрение судами дел об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка» Обзора практики разрешения споров, связанных с воспитанием детей, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 июля 2011 г.³, отмечается, что, помимо названных обстоятельств, учитываются: наличие либо отсутствие условий для воспитания и развития ребенка согласно акту обследования жилищно-бытовых условий (наличие спального и игрового мест и т.д.); режим дня ребенка; удаленность места жительства родителей от места жительства ребенка; продолжительность времени, в течение которого не осуществлялось общение ребенка с родителем, а также иные обстоятельства. Как справедливо отмечает Ю.Ф. Беспалов, суд должен исследовать причины, вследствие которых прекратились семейные отношения, и анализировать, не является ли обращение в суд с иском об определении порядка общения с ребенком злоупотреблением правом⁴. О.Ю. Ильина также обращает внимание на важность установления судом указанных обстоятельств⁵.

В законодательстве европейских стран также содержатся нормы, регулирующие порядок общения родителей с детьми, а также закрепляющие некоторые нравственные правила (не настраивать ребенка против другого родителя, содействовать общению и др.)

В семейном праве Германии существует понятие *Elterliche Sorge* – «родительская забота» о ребенке, которая осуществляется родителями совместно. Родительская забота включает заботу о ребенке (*Personensorge* – забота о личности) и заботу об имуществе ребенка (*Vermögenssorge* – забота об имуществе). Право на определение места жительства ребенка в случае раздельного проживания родителей является частью родительской заботы.

Согласно § 1628 Гражданского уложения Германии⁶ (далее также – ГУГ), если родители не могут прийти к согласию по отдельному вопросу либо по кругу вопросов, связанных с осуществлением родительской заботы, суд по семейным делам по ходатайству любого из родителей может передать одному из них право на принятие решения. Передача может быть связана с возложением обязанностей или ограничениями.

В п. 1 § 1684 ГУГ закреплено, что ребенок имеет право на общение с каждым из родителей, а каждый родитель обязан и вправе общаться с ребенком. Приведенная норма общения с ребенком рассматривает не только как право, но и как обязанность родителей. Российское семейное законодательство

такой обязанности не предусматривает, что, как обоснованно отмечает А.М. Нечаева, является недостатком Семейного кодекса Российской Федерации⁷.

В п. 2 указанного параграфа устанавливается, что родители не должны осуществлять действия, которые могут ухудшить отношение ребенка к другому родителю.

Согласно п. 3 § 1684 ГУГ суд по семейным делам может принять решение об объеме права на общение и определить детали его реализации также в отношении третьих лиц. Суд также может путем вынесения постановления побудить заинтересованных лиц к выполнению обязанности по неосуществлению действий, которые могут ухудшить отношение ребенка к другому родителю. Если эта обязанность нарушается неоднократно либо длительно, то суд по семейным делам может установить попечительство по вопросам общения, включающее в себя право требовать выдачи ребенка для общения и определять его местопребывание при длительном общении. Такое судебное постановление должно содержать указание на срок его действия.

В п. 4 § 1684 ГУГ установлено, что суд по семейным делам может ограничить либо исключить право на общение с ребенком или исполнение ранее принятых решений, связанных с реализацией данного права, если это необходимо для блага ребенка. При этом решение, ограничивающее право на общение с ребенком на длительный срок или окончательно исключающее осуществление этого права, может быть принято только при условии, что в противном случае благо ребенка подверглось бы риску. Так, суд по семейным делам может постановить, что общение родителя с ребенком допускается исключительно в присутствии оказывающего содействие третьего лица, которым может выступать организация, в том числе общественное объединение, осуществляющее помощь молодежи.

Применяя параграф 1684 ГУГ, суды Германии устанавливают и анализируют различные фактические обстоятельства для определения содержания права на общение с ребенком. Так, рассматривая одно из дел⁸, участковый (семейный) суд установил, что родители ребенка на протяжении нескольких лет находятся в разводе. Право родительской заботы над ребенком передано его матери, которая договорилась с отцом относительно частоты и продолжительности встреч последнего с ребенком. В числе прочего была достигнута договоренность по поводу того, что отец на две недели своего отпуска вправе забирать ребенка к себе. Однако между родителями возникли разногласия относительно того, может ли отец вывозить ребенка в авиапутешествия за границу в период своего отпуска, в связи с чем он обратился в суд. Участковый (семейный) суд удовлетворил иск, разрешив отцу ребенка в течение времени отпуска брать с собой сына в авиапутешествия в страны Европы при наличии медицинской справки об отсутствии заболеваний.

Жалоба матери ребенка была оставлена без удовлетворения постановлением судебной коллегии по делам семьи

³ Обзор практики разрешения споров, связанных с воспитанием детей: утв. президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 июля 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

⁴ Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 13.

⁵ Ильина О.Ю. Наличие ребенка как предпосылка злоупотребления правом членами семьи // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 74–79.

⁶ Гражданское уложение Германии — *Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz* / пер. с немецкого. В. Бергманн и др. М.: Волтерс Клувер, 2008.

⁷ Нечаева А.М. Защита личных прав несовершеннолетнего гражданина в семейно-правовой сфере по Гражданскому уложению Германии // Государство и право. 2011. № 3. С. 90.

⁸ FamRZ. 1999. Heft 15. S. 1008 (Журнал семейного права. 1999. Выпуск 15. С. 1008).

земельного суда Касселя (Landgericht Kassel). Вышестоящий суд указал, что право на общение с ребенком родителя, лишено права родительской заботы, накладывает определенные ограничения на реализацию этого права другим родителем. В этой связи тот родитель, который, реализуя право на общение с ребенком, забирает его к себе на время (в том числе на определенный период отпуска), вправе определять место пребывания ребенка, если это не противоречит благу ребенка.

При рассмотрении другого дела⁹ суд первой инстанции установил, что родители двоих детей, ранее состоявшие в зарегистрированном браке, заключили соглашение о порядке общения с детьми, по условиям которого мать детей приняла на себя обязательство приводить детей к оговоренному времени в квартиру их отца, а затем забирать их оттуда. Спустя определенное время мать и дети переехали в другой город, в связи с чем исполнение ею обязанности по передаче детей отцу в его квартире стало затруднительным, в связи с чем мать обратилась в суд.

Решением участкового (семейного) суда право родительской заботы над детьми передано их матери, установлен порядок общения отца с детьми, в частности, на мать детей возложена обязанность привозить детей не домой к отцу, а на главный вокзал города Нюрнберг и забирать их затем обратно. Также на родителей возложена обязанность по взаимному оповещению друг друга в случае возникновения обстоятельств, препятствующих осуществлению общения.

Мать детей обжаловала решение суда в Высший земельный суд Нюрнберга (Oberlandesgericht Nürnberg), который изменил установленный судом первой инстанции порядок общения с детьми в части возложения на бывшую супругу обязанности привозить каждый раз детей на вокзал в г. Нюрнберг и забирать их оттуда. При этом суд апелляционной инстанции исходил из того, что § 1684 ГУГ возлагает на лицо, наделенное правом родительской заботы, лишь обязанность *воздерживаться* от того, что может ухудшить отношение детей к другому родителю, однако не возлагает обязанности по активному содействию реализации другим родителем права на общение с ребенком, за исключением разумных подготовительных действий, но только в своем жилом помещении. Поэтому забирать детей и возвращать их — задача родителя, которому предоставлено право общения. Исключением могут являться случаи, когда без активного участия другого родителя в организации общения дети лишаются самой возможности общаться с родителем. Оценивая данное обстоятельство, Высший земельный суд Нюрнберга установил, что отец детей может в установленное время с использованием железнодорожного со-

общения забирать, а затем возвращать детей матери, которая проживает в 500 метрах от железнодорожного вокзала. Судом апелляционной инстанции принято во внимание, что с учетом расписания движения электропоездов отцу понадобится 3 часа 30 минут для того, чтобы забрать детей, и 4 часа, чтобы вернуть их матери. Поскольку общение отца с детьми установлено по выходным дням, принимая во внимание, что отец детей не работает, указанные временные затраты суд второй инстанции посчитал не являющимися непосильными для отца детей.

Относительно несогласия матери детей с возложением на родителей обязанности по взаимному оповещению в случае возникновения препятствующих общению обстоятельств Высший земельный суд Нюрнберга согласился с позицией суда первой инстанции о том, что такая обязанность должна быть предусмотрена в резолютивной части решения суда, чтобы отец и мать были застрахованы от ненужных поездок и подготовки к передаче детей, а также связанных с этим денежных затрат.

В рассмотренном примере показательна тщательность исследования судом второй инстанции обстоятельств дела и обоснование необходимости соблюдения баланса интересов родителей и детей. Полагаем обоснованной позицию, согласно которой на родителя не должна возлагаться обязанность активно содействовать реализации другим родителем права на общение с ребенком, за исключением случаев, когда без такого активного участия в организации общения ребенок лишится фактической возможности общаться с родителем, проживающим отдельно. Приведенный подход может быть использован в практике российских судов при рассмотрении дел об определении порядка общения с ребенком.

Вместе с тем законодательство некоторых европейских стран напрямую закрепляет обязанность родителя, с которым проживает ребенок, активно содействовать реализации другим родителем права на общение с ребенком. Например, согласно § 891 Гражданского кодекса Чешской Республики родитель, на попечении которого находится ребенок, обязан должным образом подготовить ребенка к встрече с другим родителем, обеспечить надлежащим образом контакт ребенка с другим родителем и сотрудничать с ним для осуществления в необходимом объеме личного контакта другого родителя с ребенком.

Проведенный нами анализ законодательства и судебной практики Германии позволяет сделать вывод, что принципиальные отличия в определении юридически значимых обстоятельств при определении порядка общения с ребенком, между российским семейным и германским законодательством отсутствуют.

⁹ Ibidem. S. 1008–1009.

Литература

1. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ / Ю.Ф. Беспалов // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11–15.
2. Ильина О.Ю. Наличие ребенка как предпосылка злоупотребления правом членами семьи / О.Ю. Ильина // Права ребенка в РФ: законодательство, правоприменительная деятельность, российская наука: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 6 декабря 2017 г.): сборник научных статей / ответственный редактор Ю.Ф. Беспалов. Москва: РГ-Пресс, 2018. С. 74–79.
3. Нечаева А.М. Защита личных прав несовершеннолетнего гражданина в семейно-правовой сфере по Гражданскому уложению Германии / А.М. Нечаева // Семейное и жилищное право. 2011. № 3. С. 86–94.
4. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография / П.А. Якушев. Москва: Проспект, 2018. 144 с.

Новый взгляд на содержание принципа безопасности жилого помещения

Ковалева Ольга Александровна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
radaurist@mail.ru

В статье рассмотрено действие принципа безопасности жилого помещения в жилищном праве. Определено, каким образом данный принцип реализуется и действует на практике. Автором выделены и разделены фактические и юридические составляющие данного принципа и то, каким требованиям должно отвечать жилое помещение, чтобы считать его безопасным и пригодным для жизни людей.

Ключевые слова: принцип безопасности, жилое помещение, жилище, имущество, жилищные права, требования к жилому помещению.

A New Look at the Content of the Dwelling Security Principle

Olga A. Kovaleva
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Orenburg State University
PhD (Law), Associate Professor

The article considers the operation of the principle of security of residential premises in housing law. It is determined how this principle is implemented and operates in practice. The author identifies and separates the actual and legal components of this principle and what requirements should be met by the living space in order to consider it safe and suitable for human life.

Keywords: the principle of security, residential premises, housing, property, housing rights, requirements for residential premises.

Для жилищного права, как и для любой отрасли права, характерно наличие основополагающих, руководящих начал и положений. В их число, бесспорно, входят принципы, которые выражают основные цели и сущность отрасли. Принципы жилищного права закреплены в ст. 1 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ)¹, где одним из первых определен принцип безопасности жилого помещения.

Актуальность рассмотрения данного принципа заключается в том, что современные подходы к его пониманию не отвечает сегодняшним реалиям. В законодательстве принцип безопасности жилого помещения рассматривается через призму технических, градостроительных, санитарных и других норм, которые входят в фактическую безопасность жилища, не отражая другие важные аспекты. Чтобы жилье действительно считалось безопасным и человек, проживающий в нем чувствовал себя комфортно, соблюдения данных норм будет недостаточно. Общество переходит из фактического общения в информационное поле, т.е. в общение с помощью информа-

ционных технологий, которые содержат в себе личные данные пользователей. Каждый человек должен быть уверен в безопасности этих данных, в том числе связанных с его собственностью – жилым помещением. Данный аспект не раскрыт в кодифицированном закреплении данного принципа. Более того, встает вопрос и об экологической безопасности жилого помещения, который также недостаточно рассмотрен законодателем применительно к жилому помещению.

Исходя из актуальности, автор работы ставит следующую цель: исследовать принцип безопасности жилого помещения, его понятие, содержание. Основная задача исследования заключается в выявлении пробелов в доктринальном понимании и современном нормативном содержании указанного принципа.

Одним из признаков жилища, как объекта жилищных прав является его пригодность для постоянного и комфортного проживания граждан, которая выражена в соблюдении определенных требований, в том числе установленных законодательством. Например, не допускается проживание в жилых помещениях, находящихся в зоне воздействия вредных факторов внешней среды, а также находящихся в аварийном состоянии.

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Авторы совместной работы о праве на жилище И.Н. Озеров, Н.В. Максименко и Т.П. Колесова пришли к выводу, что в международном сообществе назрела необходимость помимо декларативного гарантирования гражданам государства права на жилище, признания обязанности обеспечения каждого лица жильем. При этом такое жилье должно отвечать потребностям и целям проживания граждан². Иными словами, государство должно не только гарантировать жилье каждому гражданину, но и сделать его комфортным, что значит в первую очередь безопасным для проживания в нем.

В связи с этим необходимо понимать, что принцип безопасности жилого помещения основывается на том, чтобы человеку было комфортно в нем проживать, не боясь за свою жизнь и за состояние своего имущества. Он не заключается в защите имущества лица от постороннего вмешательства и посягательства. Это прерогатива принципа неприкосновенности жилища, который обеспечивает защиту лиц от произвольного вмешательства со стороны любого в их личную жизнь и имущество³. Однако представляется, что неприкосновенность жилища также необходимо рассматривать в качестве составляющего элемента принципа безопасности жилых помещений.

Правительство Российской Федерации (далее – РФ) установило общие положения относительно жилого помещения, требования, которым оно должно отвечать, и основания его непригодности⁴. К таким требованиям можно отнести:

- жилые помещения должны располагаться в жилой зоне, на основании градостроительного зонирования;
- должны находиться в работоспособном состоянии несущие и ограждающие конструкции;
- должно быть оборудовано так, чтобы не было для жильцов риска получения травм как внутри, так и около жилья;
- инженерные системы должны соответствовать стандартам санитарно-эпидемиологической безопасности.

Если даже одно требование данного положения нарушено, то проживать в таком помещении может быть небезопасно и оно не должно быть использовано в качестве жилья.

В том случае если недвижимое имущество будет признано компетентным органом непригодным для проживания, а также если граждане в результате чрезвычайных обстоятельств и ситуаций остались без своего единственного имущества, то им предоставляются для временного

проживания жилые помещения маневренного фонда (ст. 85, 87, 95 ЖК РФ)⁵.

В соответствии со статистическими данными около 160 тыс. кв. метров аварийного и непригодного для жизни жилья было расселено за первый квартал 2020 г., переселены порядка 10 тысяч граждан. По данным СМИ выполнение целевого показателя 2020 г. превышено в 24 субъектах Российской Федерации.

Национальный проект «Жилье и городская среда» предусматривает, что к концу 2024 г. объем расселенного аварийного жилого фонда должен достичь 9,54 млн кв. м, а число граждан, переселенных из непригодного жилья, – 530,9 тыс.

Безусловно, любой собственник жилого помещения заинтересован в его безопасности. Поэтому для них и для лиц, не являющихся собственниками имущества, но проживающих в нем, также устанавливаются правила по осуществлению своих жилищных прав. К ним можно отнести:

- во-первых, целевое использование жилого помещения;
- во-вторых, запрет на размещение промышленных объектов совместно с жилыми (ст. 17 ЖК РФ);
- в-третьих, обязывание собственника не допускать хозяйственного обращения с жилым помещением, участие в ремонте и содержании общего имущества в многоквартирных домах (ст. 30 ЖК РФ).

Принцип безопасности жилища реализуется в отсутствии различных факторов и определенных условий, которые создают или могут создавать любую угрозу имуществу, а точнее его повреждение или уничтожение, а также причинение вреда здоровью и жизни проживающих в нем лиц⁶.

Также Правительство РФ предусматривает необходимость переоборудования и изменения жилого помещения для инвалидов, в том числе общего имущества в многоквартирном доме⁷. Такая необходимость обусловлена ограниченными физическими возможностями лица, которые напрямую влияют на его жизнедеятельность в целом. В связи с чем для данного лица необходимо предоставить беспрепятственный доступ к жилью, что в целом направлено на создание безопасных условий для здоровья гражданина.

В Российской Федерации зафиксировано немалое количество случаев серьезных нарушений требований технической эксплуатации жилищного фонда. Подобные нарушения наблюдаются как со стороны собственников жилого помещения, так и поставщиков услуг, а также в результате стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, при которых нарушается

² Озеров И.Н., Максименко Н.В. и Колесова Т.П. Право на жилище как одно из основных прав человека // Юристы-Правоведы. 2019. № 4 (91).

³ Филиппов П.М., Ковалева О.А. Соотношение принципа неприкосновенности жилища по законодательству России и доктрины необходимой обороны в соответствии с уголовным правом США // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 153.

⁴ Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» (ред. от 27.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2021).

⁶ Свит Ю.П. Жилищное право: учебник и практикум для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. С. 46.

⁷ Постановление Правительства РФ от 9 июля 2016 г. № 643 «Об утверждении Положения о приспособлении жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме с учетом потребностей инвалидов (вместе с «Правилами обеспечения условий доступности для инвалидов жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме»)» (ред. от 10.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

принцип безопасности. Это влечет за собой возможность серьезного повреждения имущества, а также угрозу здоровью и жизни людей, проживающих в нем. Пример — взрывы бытового газа в городах Ижевске и Магнитогорске. Поэтому необходимо усовершенствовать и расширить систему органов управления технической безопасностью жилого помещения. Для решения обозначенной проблемы, на наш взгляд, нужно расширить компетенцию отделов капитального строительства местных администраций в субъектах РФ. Сотрудников такого рода отделов следует наделить полномочиями инспекторов строительного надзора в жилищной сфере⁸.

Колоссальное количество как частного, так и государственного жилья стареет, разрушается и, в конечном итоге, становится непригодным для проживания. Вследствие чего необходимо улучшение системы технической безопасности жилого помещения. Это возможно при увеличении числа проверок технического состояния жилого помещения. Но для их более частого проведения необходимо увеличение затрат и количества профессиональных сотрудников, что может обеспечить далеко не каждая управляющая компания.

Кроме того, полагаю, что необходимо повысить требования к такого рода организациям. Помимо того, что они не должны иметь задолженностей, не быть банкротами и не иметь нарушений, но и принимать на работу должны только высококвалифицированных специалистов с опытом работы, владеющих знаниями в результате обучения относительно технико-пожарной безопасности в строительстве. Также остается потребность преобразования системы государственных органов и частных организаций, отвечающих за техническую безопасность жилья в субъектах Российской Федерации.

Международный опыт свидетельствует об эффективности создания товарищества собственников жилья, где собственники самостоятельно принимают решения, касающиеся их жилья, и доверяют их исполнение управляющей организации. Однако в нашей стране большинство собственников предпочитает целиком возлагать на управляющую компанию задачу управления своим жильем.

Между тем следует иметь в виду, что в ряде стран есть свои особенности. Например, в Мексике к делу государственной важности статьей 123 Конституции отнесено строительство гигиенического, т.е. безопасного и, более того, дешевого жилья, а также предусматривается формирование жилищных кооперативов. Также в ст. 16 данного нормативного акта регламентируется и неприкосновенность жилища⁹. Становится очевидным, что в данной стране уделяется большое внимание принципу безопасности жилого помещения, поскольку положения о безопасности отражены в одном из важнейших законов страны.

⁸ Ковалев А.А. Подход к совершенствованию управления технической безопасностью эксплуатации жилого фонда // Экономика строительства и природопользования. 2019. № 1 (70).

⁹ Конституция Мексиканских Соединенных Штатов. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=51> (дата обращения: 20.09.2021).

Наравне с законодательством Мексики, Конституция Египта в ст. 78 отражает права и гарантии граждан на достойное, безопасное и не угрожающее жизни жилое помещение¹⁰. Поскольку данное положение является гарантией, то сочетает в себе социальную справедливость и права граждан на имущество, которые осуществляются подконтрольно государству.

Германская Конституция отразила в ст. 13, что жилище является безопасным и неприкосновенным, и любые ограничения недопустимы. В этом правиле есть свои исключения, которые допускаются только в случаях необходимости защиты лица и общественного порядка от какой бы то ни было опасности¹¹.

Все вышеуказанное определяет принцип безопасности жилого помещения с точки зрения его фактической составляющей, в которую включены нормы и требования, установленные законодательством. При этом важнейшие требования, связанные с экологической безопасностью, недостаточно подробно раскрыты в нормах права, что, несомненно, является упущением. Кроме того, на наш взгляд, нужно расширить содержание данного принципа и включить в него юридическую безопасность, в которую входит информационная безопасность, защита и стабильность пользования жилым помещением. К сожалению, юридическая составляющая с данной точки зрения практически не отражается в жилищном законодательстве, хотя и отражена в других нормативных актах, таких как Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ и др.

Рассмотрим данный принцип в аспекте информационной безопасности, которая понимается в общем смысле, как гарантированное обеспечение владельцу конфиденциальности его данных, а также сохранение, достоверность и своевременность их передачи требуемым лицам. Информация о жилище в обязательном порядке вносится в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) и должна быть надлежащим образом защищена от посторонних, третьих лиц. Поскольку данные, находящиеся в реестре, могут быть изменены или ими могут воспользоваться в корыстных целях. Также практике известны случаи, связанные с так называемыми «черными риелторами», которые, имея доступ к документам клиентов, делают электронные подписи и продают чужое имущество в электронной форме.

Кроме того, не стоит забывать о новейших системах «Умный дом», которые предлагают управление домом и доступ к нему через мобильное приложение. Конечно же, в современном обществе такие системы достаточно актуальны, удобны и востребованы. Но насколько данные системы отвечают за безопасность жилого помещения, защищают ли используемые информационные технологии от проникновения третьих лиц — этот вопрос остается открытым, учитывая, что данные

¹⁰ Конституция Арабской Республики Египет. URL: <http://worldconstitutions.ru/p=1013> (дата обращения: 20.09.2021).

¹¹ Конституция Федеративной Республики Германия. URL: https://www.court.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/germany/german-r.htm (дата обращения: 20.09.2021).

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

о доступе в жилое помещение могут стать доступными для посторонних лиц.

Что касается стабильности права пользования жилым помещением, рассматриваемого как часть юридической безопасности, нужно сказать, что оно заключается и реализуется через принцип неприкосновенности собственности и неприкосновенности жилища.

Говоря об экологической безопасности жилища, следует отметить, что она находится в прямой зависимости от качества окружающей среды территории, на которой расположено жилое помещение, подвергаемое воздействию со стороны техногенных и природных факторов – к примеру, попаданию в жилище через атмосферный воздух токсичных веществ извне.

Помимо этого, не менее важными показателями экологической безопасности жилья является его внутренняя часть и ее составляющие, т.е. те материалы, из которых оно построено¹². Нередко строительные и отделочные материалы добываются и перерабатываются в экологически загрязненных регионах либо по своему составу являются токсичными и вредными для здоровья человека. Зачастую более дешевый материал, который может позволить себе большинство людей, является более вредоносным. Более того, внутренняя среда жилья подвергается нагрузке от сгорания бытового газа, от использования бытовой химии и предметов домашнего обихода.

Нужно сказать, что экологическая безопасность жилья является гарантией здоровья людей, находящихся в нем. На наш взгляд, она должна обеспечиваться рядом проводимых мер, которые будут определять не только выбор безопасного места для строительства жилья, но также безопасное производство строительных материалов и средств бытовой химии. Экологическая безопасность жилого помещения уже предусмотрена на законодательном уровне, а вот вопросы биологической безопасности жилого помещения,

которые входят в его экологическую безопасность, стали широко обсуждаться мировой общественностью и учеными только в свете эпидемии COVID¹³. Ученые сделали вывод, что изоляция, связанная с реагированием на COVID-19, оказала негативное влияние на психическое здоровье и благополучие граждан, находящихся на изоляции, кроме того, плохие жилищные условия, в которых изолируют человека, повышают риск депрессивных симптомов во время изоляции.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что принцип безопасности жилого помещения является основополагающим в жилищном праве и находит свое отражение в нормах законодательства, но не в полной мере. С помощью данного принципа обеспечивается такое состояние жилья, при котором нет угрозы для жизни и здоровья граждан, проживающих в нем. А это прямо говорит о необходимости соблюдения требований, установленных нормативными актами, а также установления контроля и осуществления проверок со стороны компетентных органов. Более того, на законодательном уровне необходимо закрепить новые нормы, отвечающие современным реалиям и трендам в доктрине принципа безопасности жилого помещения.

Делая выводы теоретического характера, необходимо иначе понимать принцип безопасности жилого помещения и существенно расширить его содержание. Кроме объективной необходимости жилого помещения отвечать всем необходимым требованиям законодательства и быть пригодным для проживания, нужно детализировать эти требования в ЖК РФ и дополнить их требованиями юридической, информационной и биологической безопасности. Такие нормы позволят расширить фактический аспект данного принципа, добавив биологические требования, а также ввести его новую юридическую составляющую, что расширит понимание и содержание принципа безопасности жилого помещения.

¹² Правовые основы биоэкономики и биобезопасности : монография / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. М. : Проспект, 2020. С. 80.

¹³ Amerio A., Brambilla A., Morganti A., Aguilera A. и др. Изоляция COVID-19: влияние искусственной среды обитания на психику // Здоровье. Int J Environ Res Public Health. 2020. URL: <https://www.mdpi.com/journal/ijerph>

Литература

1. Жилищное право : учебник для бакалавров / ответственный редактор Е.Е. Богданова, К.Р. Файзрахманов. Москва : Проспект, 2018. 352 с.
2. Ковалев А.А. Подход к совершенствованию управления технической безопасностью эксплуатации жилого фонда / А.А. Ковалев // Экономика строительства и природопользования. 2019. № 1 (70). С. 83–88.
3. Конституции зарубежных государств : Великобритания. Франция. Германия. Италия. Испания. Европейский Союз. Соединенные Штаты Америки. Япония. Индия : учебное пособие / составитель В.В. Маклаков. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : ВолтерсКлувер, 2003. 593 с.
4. Озеров И.Н. Право на жилище как одно из основных прав человека / И.Н. Озеров, Н.В. Максименко, Т.П. Колесова // Юрист-Правовед. 2019. № 4 (91). С. 18–24.
5. Правовые основы биоэкономики и биобезопасности : монография / ответственный редактор А.А. Мохов, О.В. Сушкова. Москва : Проспект, 2020. 480 с.
6. Свит Ю.П. Жилищное право : учебник и практикум для вузов / Ю.П. Свит. 2-е изд. Москва : Юрайт, 2020. 246 с.
7. Филиппов П.М. Соотношение принципа неприкосновенности жилища по законодательству России и доктрины необходимой обороны в соответствии с уголовным правом США / П.М. Филиппов, О.А. Ковалева // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 153–160.

References

1. Amerio A. COVID-19 Lockdown: Housing Built Environment's Effects on Mental Health / A. Amerio, A. Brambilla, A. Morganti // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. Iss. 16. P. 5973–5983.

Особенности защиты прав собственников индивидуальных жилых домов на территории дачных коттеджных поселков

Кузулгуртова Аделина Шукралиевна,
адвокат, старший партнер адвокатского бюро Санкт-Петербурга «Главная Буква»,
кандидат экономических наук
kuzulgurtova@gmail.com

В статье приведен сравнительный анализ ранее действовавшего и текущего законодательства Российской Федерации (далее — РФ), регулирующего правоотношения в области садоводства и огородничества. Приведены причины возникновения споров на территории дачных некоммерческих объединений, рассмотрены способы защиты прав собственников индивидуальных жилых домов в зависимости от правовой формы участия в дачном партнерстве.

Ключевые слова: дачное некоммерческое объединение, ведение садоводства в индивидуальном порядке, членство в товариществе.

Features of Protection of Rights of Owners of Detached Houses Located on the Territory of Suburban Cottage Settlements

Adelina Sh. Kuzulgurtova
Attorney, Senior Partner at the Main Letter Saint Petersburg Law Firm
PhD (Economics)

The article analyses current and dormant law regarding horticulture. It includes reasons of disputes in summer colonies, and analyzes remedies of householders that depends on chosen form of participation.

Keywords: suburban community, farmers, a member of the community.

С 1 января 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Закон № 217-ФЗ), призванный устранить имевшиеся проблемы законодательного регулирования правоотношений в сфере садоводства и огородничества.

Несмотря на введенные законодателем правила, призванные обеспечить порядок в правоотношениях внутри садоводческих и огороднических товариществ, собственники индивидуальных жилых домов на территории дачных поселков до сих пор испытывают трудности при защите своих прав, в том числе по причине влияния правового статуса такого собственника на возможность использования тех или иных механизмов правовой защиты.

Причины возникновения споров

Как было установлено в ранее действовавшем Федеральном законе от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О са-

доводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан (далее по тексту — Закон № 66-ФЗ), а также расширено в действующем в настоящее время Федеральном законе от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Закон № 217-ФЗ) создание садоводческого товарищества имеет своей целью создание благоприятных условий для ведения садоводства и огородничества, в том числе с целью совместного владения, пользования и распоряжения имуществом общего пользования (ст. 7 Закона № 217-ФЗ, ст. 4 Закона № 66-ФЗ).

Правовое регулирование правоотношений в области садоводства и огородничества длительное время осуществлялось посредством Закона № 66-ФЗ, положения которого не запрещали создавать на одной территории несколько дачных некоммерческих партнерств (далее — ДНП), что зачастую создавало путаницу в необходимости оформления членства жителей поселка в таких ДНП, в необходимости

оплаты членских взносов, а также в распределении функций ДНП среди указанных партнерств.

Подобная практика создания нескольких ДНП, осуществляющих свою деятельность на одной территории, стала широко распространенной и использовалась различными организациями при строительстве коттеджных поселков.

Рассматривая возникающие в связи с этим споры, суды в такой ситуации исходили из того, что регистрация в ЕГРЮЛ каждого из ДНП носит титульный характер, а в действительности все действующие на одной территории ДНП представляют собой единое ДНП, расположенное на едином земельном участке и подчиненное единой цели¹. Таким образом, судебная практика исходила из целесообразности выделения одного дачного партнерства для реализации функций его создания. При этом приоритет при определении такого партнерства отдавался ДНП, которому изначально был выделен земельный участок².

1 января 2019 г. вступил в силу Федеральный закон № 217-ФЗ, установивший запрет на создание на одной территории нескольких садоводческих или огороднических некоммерческих товариществ (п. 2 ст. 4 Закона № 217-ФЗ).

Названный федеральный закон был призван устранить имевшиеся противоречия и неясности в правовом регулировании правоотношений в области ведения гражданами садоводства и огородничества, а также привести в соответствие правоотношения внутри дачных партнерств установленным законодателем нормам.

Несмотря на введенные законом № 217-ФЗ ограничения, ни девелоперы, ни иные заинтересованные лица не стремятся приводить правоотношения в дачных поселках в соответствие с законом, что способствует возрастанию количества противоречий в правовом регулировании и возникновению необходимости защиты собственниками индивидуальных жилых домов на территории коттеджных поселков своих прав.

Формы ведения садоводческой деятельности на территории партнерства

Как ранее действовавший, так и текущий Закон № 217-ФЗ устанавливает две формы ведения садоводческой деятельности на территории партнерства – членство в партнерстве, ведение садоводства в индивидуальном порядке. В зависимости от выбора той или иной формы участия, собственники индивидуальных жилых домов обладают разным набором способов защиты своих прав.

Порядок принятия физических лиц в состав членов ДНП, предусмотренный как нормами Закона № 217-ФЗ, так и нормами ранее действовавшего Закона № 66-ФЗ, идентичен.

В соответствии с положениями ст. 12 Закона № 217-ФЗ членами садоводческого товарищества могут быть физические

лица, являющиеся правообладателями садового или огородного земельного участка, расположенного в границах территории садоводства или огородничества. При этом статус члена ДНП возникает с даты принятия соответствующего решения общего собрания членов ДНП. Исключением являются только учредители ДНП, получающие такой статус со дня государственной регистрации товарищества (п. 5 ст. 10 Закона № 217-ФЗ).

Аналогичные положения содержались и в ранее действовавшем Законе № 66-ФЗ (п. 1 и п. 4 ст. 18).

Об обязательности наличия на праве собственности или на ином праве, указанном в ч. 11 ст. 12 Закона № 217-ФЗ, земельного участка свидетельствует и необходимость указания в реестре членов ДНП кадастрового (условного) номера земельного участка, правообладателем которого является член такого объединения.

Прекращение права собственности (иного права) на земельный участок является основанием для прекращения членства в ДНП (п. 4 ст. 19.1, подп. 11.1. п. 2 ст. 19 Закона № 66-ФЗ, п. 9 ст. 13 Закона № 217-ФЗ).

Кроме того, физические лица имеют право избрать иную правовую форму ведения садоводческой деятельности – путем заключения договора на ведение садоводства (огородничества) в индивидуальном порядке (ст. 8 Закона № 66-ФЗ, ст. 5 Закона № 217-ФЗ) без получения статуса члена садоводческого (огороднического) объединения.

Корпоративные права членов партнерства и физических лиц, ведущих садоводство в индивидуальном порядке

Членство в партнерстве дает возможность обеспечивать защиту своих прав путем использования корпоративных механизмов – участие в собраниях партнерства по всем вопросам повестки дня (ст. 17 Закона № 217-ФЗ), право требования созыва внеочередных собраний (ч. 7 ст. 17 Закона № 217-ФЗ), право требования копий документов у Правления партнерства (ч. 3 ст. 11 Закона № 217-ФЗ).

Собственники же индивидуальных жилых домов, не обладающие статусом члена партнерства, а заключившие договор на ведение садоводства в индивидуальном порядке, в возможностях защиты своих прав существенным образом ограничены.

Так, Закон № 217-ФЗ (ч. 6 ст. 5, ч. 3 ст. 17) устанавливает право индивидуальных садоводов на участие в собраниях партнерства только по ограниченному кругу вопросов, а именно:

1) принятие решения о приобретении товариществом земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, о совершении необходимых действий для приобретения указанных земельных участков и о выборе представителя товарищества для подачи соответствующего заявления в орган, осуществляющий государственный кадастровый учет и государственную регистрацию прав;

2) принятие решения о создании (строительстве, реконструкции) или приобретении имущества общего пользования, в том числе земельных участков общего назначения;

¹ Бондарева С. Дачников больше не будет. Новое правовое регулирование // Финансовая газета. 2019. 7 апреля.

² Серегина Т. С. Садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества как вид товариществ собственников недвижимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 4. С. 79–86.

о порядке его использования и о выборе представителя товарищества для подачи соответствующего заявления в орган, осуществляющий государственный кадастровый учет и государственную регистрацию прав;

3) принятие решения о передаче недвижимого имущества общего пользования в общую долевую собственность собственников земельных участков, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, в государственную собственность субъекта Российской Федерации или в собственность муниципального образования, в границах которых расположена территория садоводства или огородничества, и о выборе представителя товарищества для подачи соответствующего заявления в орган, осуществляющий государственный кадастровый учет и государственную регистрацию прав;

4) принятие решения об обращении с заявлением о государственной регистрации прав на объекты недвижимости, расположенные в границах территории ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд и являющиеся имуществом общего пользования, и (или) заявлением о государственном кадастровом учете таких объектов недвижимости и о выборе представителя товарищества для подачи соответствующего заявления в орган, осуществляющий государственный кадастровый учет и государственную регистрацию прав;

5) определение размера и срока внесения взносов, порядка расходования целевых взносов, а также размера и срока внесения платы, предусмотренной ч. 3 ст. 5 закона;

6) утверждение финансово-экономического обоснования размера взносов, финансово-экономического обоснования размера платы, предусмотренной ч. 3 ст. 5 закона.

По остальным вопросам физические лица, ведущие садоводство в индивидуальном порядке, участия в голосовании не принимают.

Вещно-правовые способы защиты прав физических лиц — собственников индивидуальных земельных участков, ведущих садоводство в индивидуальном порядке

Законодательство РФ не ограничивает членов партнерства в судебных способах защиты своих прав, предоставляя членам партнерства право оспаривать решения общего собрания (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ, подп. 4 п. 1 ст. 3 Закона №217-ФЗ), а также использовать любые средства правовой защиты, установленные ст. 12 ГК РФ.

В отличие же от членов партнерства лица, ведущие садоводство или огородничество в индивидуальном порядке, в судебных способах защиты своих прав существенно ограничены.

10 ноября 2016 г. Конституционным судом РФ было вынесено постановление № 23-П³, в котором был рассмотрен вопрос о праве собственника индивидуального жилого дома оспаривать сделки по распоряжению общим имуществом ТСЖ. Несмотря на то, что в постановлении Конституционного Суда РФ рассмотрена ситуация нарушения прав собственника индивидуального жилого дома действиями ТСЖ, выработанный судом правовой подход применим и к дачным некоммерческим партнерствам, поскольку ТСЖ является видом ТСН (п. 1 ст. 135 Жилищного кодекса РФ), так же как и садовые и огороднические некоммерческие товарищества (п. 3 ст. 3 Закона № 217-ФЗ) являются видом ТСН.

Как следует из указанной правовой позиции Конституционного Суда РФ, собственники индивидуальных жилых домов, в том числе не являющиеся членами ТСЖ, имеют право оспаривать сделки, направленные на отчуждение общего имущества, поскольку ТСЖ как вид ТСН является правовой формой совместной реализации имущественных прав собственников, что предполагает совпадение его хозяйственных интересов с интересами собственников жилой недвижимости.

Таким образом, Конституционный Суд РФ в своем постановлении № 23-П сформулировал следующие очень важные выводы.

Во-первых, о праве лиц, в том числе не являющихся членами ТСЖ, оспаривать сделки по распоряжению общим имуществом ТСЖ.

Во-вторых, о возможности защиты прав собственников индивидуальных жилых домов как путем использования корпоративных механизмов, так и путем использования вещно-правовых способов защиты своих прав.

В-третьих, о совпадении хозяйственных интересов ТСЖ и его членов в части реализации прав в отношении общего имущества.

Таким образом, сделанные в постановлении Конституционного Суда РФ выводы позволяют собственникам индивидуальных жилых домов на территории коттеджного поселка использовать вещно-правовые способы защиты своих прав при выборе формы ведения садоводческой деятельности в индивидуальном порядке, что дает больше гарантий судебной защиты прав садоводов независимо от наличия у них статуса члена ДНП.

Указанное обстоятельство существенным образом расширяет круг возможных способов правовой защиты для физических лиц, избравших индивидуальный порядок садоводства.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2016 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н.Н. Марасанова» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Бондарева С. Дачников больше не будет. Новое правовое регулирование / С. Бондарева // Финансовая газета. 2019. 7 апреля.
2. Серегина Т.С. Садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества как вид товариществ собственников недвижимости / Т.С. Серегина // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 4. С. 79–86.

Перевод жилого помещения, используемого в качестве места постоянного проживания

Маркина Марианна Викторовна,
доцент кафедры юридических дисциплин
Академии гражданской защиты МЧС России,
кандидат юридических наук
markina76@rambler.ru

В статье рассматриваются условия для выдачи разрешения для перевода жилого помещения в нежилое, установленные Жилищным кодексом Российской Федерации (далее — ЖК РФ). Особое внимание уделяется такому запрету в переводе жилого помещения в нежилое как использование собственником (или иным гражданином, иными гражданами) переводимого жилого помещения в качестве места постоянного жительства. Далее проводится анализ понятия места постоянного проживания гражданина. Рассматривается такое жилое помещение в качестве единственного жилья. Анализируются нормы, посвященные регистрации гражданина по месту пребывания и месту жительства. При этом автор обосновывает недопустимость законодательно установленного такого запрета в переводе жилого помещения в нежилое как использование переводимого помещения в качестве постоянного места проживания и предлагает устранить данный запрет путем внесения в Жилищный кодекс РФ соответствующих изменений.

Ключевые слова: жилое помещение, перевод жилого помещения в нежилое, условия перевода жилого помещения в нежилое, регистрация гражданина по месту пребывания и по месту жительства, единственное место проживания.

Transfer of a Residential Premise Used as a Place of Permanent Residence

Marianna V. Markina
Associate Professor of the Department of Legal Disciplines
of the Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia
PhD (Law)

The article discusses the conditions for issuing a permit for the transfer of residential premises to non-residential, established by the Housing code of the Russian Federation. Special attention is paid to such a prohibition in the transfer of residential premises to non-residential as the use by the owner (or other citizen, other citizens) of the transferred residential premises as a place of permanent residence. Further, the concept of the place of permanent residence of a citizen is analyzed. Such a dwelling is considered as the only dwelling. The norms devoted to the registration of a citizen at the place of stay and place of residence are analyzed. The author proves the inadmissibility of such a statutory prohibition in the transfer of premises in uninhabited as the use of the transferred premises as a permanent residence and proposes to remove this prohibition by amending the Housing code of the Russian Federation the appropriate changes.

Keywords: residential premises, transfer of residential premises to non-residential, conditions for the transfer of residential premises to non-residential, registration of a citizen at the place of stay and at the place of residence, the only place of residence.

Пункт 1 ст. 22 ЖК РФ¹ устанавливает допущение перевода жилого помещения в нежилое. При этом в нем указано, что такой перевод возможен с учетом определенных требований.

В частности, ряд требований устанавливают п. 2–4 данной статьи, согласно которым перевод разрешен, если:

- доступ к переводимому помещению возможен без использования помещений, обеспечивающих доступ к жилым помещениям, или присутствует техническая возможность оборудовать такой доступ к данному помещению;
- переводимое помещение не является частью жилого помещения;
- не используется собственником данного помещения или иным гражданином в качестве места постоянного проживания;

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

– право собственности на переводимое помещение не обременено правами каких-либо лиц;

– после перевода из жилого помещения в нежилое помещение исключена возможность доступа с использованием помещений, обеспечивающих доступ к жилым помещениям;

– переводимое жилое помещение расположено на первом этаже многоквартирного дома или выше первого этажа, но помещения, расположенные непосредственно под переводимым жилым помещением в нежилое помещение, не являются жилыми;

– жилое помещение, планируемое к переводу в нежилое, не находится в наемном доме социального использования;

– перевод жилого помещения в нежилое не планируется в целях осуществления религиозной деятельности;

– помещение отвечает установленным требованиям или присутствует возможность обеспечить соответствие такого помещения установленным требованиям.

Надо отметить, что перевод жилого помещения в нежилое возможен только тогда, когда все перечисленные условия перевода имеются одновременно. Если хотя бы одно из них отсутствует, то орган, осуществляющий перевод помещений, вправе отказать в таком переводе (ст. 24 ЖК РФ).

В данном исследовании обратимся лишь к некоторым из условий перевода жилого помещения в нежилое.

Необходимо обратить внимание на формулировку одного из запретов на перевод жилого помещения в нежилое (п. 2 ст. 22 ЖК РФ). Невозможно получить разрешение на перевод жилого помещения в нежилое, если переводимое помещение используется собственником данного помещения или иным гражданином в качестве места постоянного проживания.

С первого взгляда можно предположить, что законодатель, вводя данный запрет на перевод жилого помещения в нежилое, защищает в первую очередь собственника от его же действий, в результате которых собственник может остаться без крыши над головой. Ведь если переводимое жилое помещение является местом постоянного проживания собственника, а нежилое помещение не предназначено для проживания, то собственнику действительно может оказаться негде жить. Но в ЖК РФ не указывается на запрет перевода единственного жилого помещения собственника в нежилое помещение, а указывается на невозможность перевести жилое помещение, где собственник или иные граждане проживают постоянно. Непонятно, признает ли законодатель это синонимами или это разные термины, но определения понятия «постоянного проживания» в жилищном законодательстве не существует. Оно есть в нормах, регулируемых конституционным правом, на-

пример, в ст. 8 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»². Однако данный термин используется только в названии статьи и в содержании никак не раскрывается. Также административное право использует словосочетание «постоянное проживание» без определения данного термина (ст. 19.8.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)³).

Более полный взгляд на «постоянное проживание» можно встретить в п. 1 ст. 20 ГК РФ⁴: место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает, является его местом жительства. А вот п. 2 данной статьи вообще не использует данный термин: местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей. То есть о месте постоянного проживания речь не идет.

Статья 446 ГПК РФ⁵ содержит положение о том, что не может быть обращено взыскание по исполнительным документам на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем ему помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением (за некоторыми указанными в данной статье исключениями).

Таким образом, можно признать, что законодатель в ст. 22 ЖК РФ, запрещая перевод жилого помещения, где собственник постоянно проживает, явно имеет в виду, что это жилье у семьи единственное. Только этим можно объяснить рассматриваемый запрет.

«Практическое применение норм закона о «единственном пригодном для постоянного проживания жилом помещении» вызывает определенные трудности у правоприменителей, особенно в случаях, если у гражданина в собственности имеется несколько жилых помещений»⁶. Но такие трудности проявляются при определении, какое жилое помещение подлежит изъятию, на какое жилое помещение может распространяться исполнительский иммунитет.

При переводе жилого помещения в нежилое надо разобраться, что же все-таки означает использование собственником в качестве места постоянного проживания

² Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁶ Уруков В.Н. К вопросу о критериях определения «единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения» // Семейное и жилищное право. 2017. № 1.

ния. С полной уверенностью можно сказать, что здесь проживание связано с регистрацией по месту пребывания и по месту жительства. Постановлением Правительства РФ утверждены Правила регистрации и снятия с регистрационного учета (далее – Правила)⁷, в которых II раздел устанавливает обязанность граждан получить временную регистрацию по месту пребывания. Здесь мы видим, что такое временное жилье не может считаться местом постоянного проживания. Поэтому, даже если оно должно быть переведено в нежилое, препятствий для собственника не будет существовать.

А вот III раздел указанных Правил говорит уже о регистрации по месту жительства и подразумевает как раз, что данное жилье и есть место постоянного проживания собственника и его семьи. Соответственно, если данное жилое помещение пожелают перевести в нежилое, такая постоянная регистрация собственника и (или) членов его семьи будет препятствием для осуществления перевода. И выйти из данного положения невозможно, если данное переводимое жилое помещение является единственным жилым помещением собственника и его семьи, так как законодатель защищает собственника от потери места постоянного проживания.

Не было бы препятствий, если у собственника и его семьи есть еще хотя бы одно жилое помещение в собственности, в котором можно зарегистрироваться по месту проживания, т.е. получить постоянную регистрацию и изменить место жительства в соответствии с подп. а) п. 31 Правил.

Но если такого «запасного» жилья нет, то сняться с регистрационного учета будет невозможно.

Конечно же, Правила разрешают получить временную регистрацию по месту пребывания (в гостинице, у знакомых, других родственников и пр.), если семья уедет из переводимого жилого помещения ради перевода, но в этом жилом помещении у них все равно останется постоянная регистрация, что не позволит осуществить перевод.

Здесь законодатель не подумал о том, что иметь жилое помещение в собственности, согласно ст. 40 Конституции РФ⁸, является не обязанностью гражданина, а его правом. Если даже переводимое жилое помещение

у гражданина единственное, это не значит, что он не может его, например, продать, подарить или распорядиться иным способом. На то же указывает и, например, П.В. Крашенинников: «по смыслу положений ч. 5 ст. 31 ЖК РФ собственник жилого помещения не лишен возможности по собственному усмотрению распорядиться принадлежащим ему жилым помещением (например, продать, подарить) и в том случае, если не истек срок права пользования этим жилым помещением бывшего члена семьи собственника, установленный судом на основании ч. 4 ст. 31 ЖК РФ»⁹.

При этом законодатель гражданина никак не ограничивает в возможных действиях. Но перевести единственное жилое помещение в нежилое все-таки нельзя, хотя речь не идет об отчуждении, об изъятии от жилья, а только о смене правового режима.

В конце концов, собственник может перевести нежилое помещение обратно в жилое, если ему действительно будет негде жить. Такой перевод возможен и разрешен ЖК РФ.

Как показывает практика, жилые помещения переводят в нежилые в целях занятия предпринимательской деятельностью. На первых этажах устраивают hostels, магазины, парикмахерские и проч.

Соответственно, гражданин, переводя жилое помещение в нежилое, предполагает занятие предпринимательской деятельностью. Значит, у него не должно быть проблем с жильем: он может купить новое жилое помещение или снять чье-то, когда заработает на предпринимательстве. Но законодатель не хочет давать ему такой возможности, так как он постоянно проживает в жилом помещении, которое планируется перевести в нежилое.

Следующий запрет, который вызывает вопросы, заключается в невозможности перевести жилое помещение в нежилое, если иные граждане проживают в переводимом жилом помещении постоянно.

Логично предположить, что под «иными гражданами» законодатель имеет в виду родственников собственника или тех лиц, которым собственник разрешил проживать в переводимом жилом помещении.

Действительно, с первого взгляда является логичным, что законодатель защищает право на жилье родственников собственника. Вероятно, здесь имеется в виду, что у таких граждан переводимое жилое помещение тоже является единственным.

Но ведь именно собственник может распоряжаться своим имуществом так, как ему захочется. И законодатель, например, не может запретить собственнику продать это жилое помещение, в том числе не покупать нового жилья и создать такие условия, что членам его

⁷ Постановление Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2939.

⁸ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14 марта 2020 г. опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

⁹ Крашенинников П.В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020.

семьи негде будет жить. И собственник не должен никого спрашивать, получать разрешение.

Согласно п. 2 ст. 292 ГК РФ переход права собственности на жилой дом или квартиру к другому лицу является основанием для прекращения права пользования жилым помещением членами семьи прежнего собственника. «Следует отметить, что права членов семьи собственника, проживающих в принадлежащем ему жилом помещении, утратили признак «следования за вещью», которое присуще вещным правам»¹⁰.

Если сопоставлять п. 2 ст. 292 ГК РФ и п. 2 ст. 22 ЖК РФ, то напрашивается странный вывод: продать собственник жилое помещение может, даже если там постоянно проживают его родственники, а вот перевести данное жилое помещение в нежилое помещение, чтобы заработать на себя и свою семью, не может.

¹⁰ Михеева Л.Ю. Развитие института прав членов семьи и бывших членов семьи собственника жилого помещения // Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б.М. Гонгалло. М.: Статут, 2016. С. 238–253.

Литература

1. Крашенинников П.В. Жилищное право / П.В. Крашенинников. 12-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2020. 432 с.
2. Михеева Л.Ю. Развитие института прав членов семьи и бывших членов семьи собственника жилого помещения / Л.Ю. Михеева // Частное право. Преодолевая испытания: сборник статей к 60-летию Б.М. Гонгалло. Москва: Статут, 2016. С. 238–253.
3. Уруков В.Н. К вопросу о критериях определения «единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения» / В.Н. Уруков // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 41–44.

При этом при переводе объект недвижимости не выпадает из собственности нашего собственника.

В результате вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Часть положения п. 2 ст. 22 ЖК РФ противоречит здравому смыслу, лишает собственника возможности реализовать свое право на перевод жилого помещения в нежилое помещение, а также возможности получать доход в результате такого перевода. Поэтому данный пункт надо изменить, исключив указание на то, что жилое помещение «используется собственником данного помещения или иным гражданином в качестве места постоянного проживания».

Таким образом, в п. 2 ст. 22 ЖК РФ останутся прежние ограничения на перевод жилого помещения в нежилое, но не будет такого ограничения как постоянное место проживания собственника или иных граждан.

В результате таких изменений собственник сможет заниматься предпринимательской деятельностью для заработка себе и своей семье.

Издательская группа «Юрист» начинает подписку на комплект «Библиотека нотариуса» на первое полугодие 2022 года

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека нотариуса».

В комплект входят следующие издания:

- Бюллетень нотариальной практики
- Наследственное право
- Нотариус
- Семейное и жилищное право

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

Реализация принципа противопоставимости в договорах найма и аренды жилого помещения

Пальцева Елена Сергеевна,
доцент кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин
Института экономики и права Петрозаводского государственного университета,
кандидат юридических наук
lena-adress@mail.ru

В статье анализируются два гражданско-правовых договора: договор найма жилого помещения и договор аренды жилого помещения с позиции ст. 433 Гражданского кодекса Российской Федерации. 1 июля 2015 г. в эту статью была внесена новая норма (п. 3), в силу которой незарегистрированный договор сохраняет силу для сторон, но не существует для третьих лиц, его невозможно противопоставить третьим лицам. В статье автор дает ответ на вопрос, а применяется ли этот принцип к договору найма жилого помещения по аналогии с арендными отношениями или здесь «работает» принцип внесения, суть которого можно свести к тезису «нет регистрации — нет права».

Ключевые слова: жилое помещение, договор найма, договор аренды, незаключенность договора, регистрация обременения, регистрация договора, Управление Росреестра.

The Implementation of the Principle of Opposability in Residential Premise Lease and Rent Agreements

Elena S. Paltseva
Associate Professor of the Department of Theory of Law and Civil and Legal Disciplines
of the Institute of Economics and Law of the Petrozavodsk State University
PhD (Law)

The article analyzes two civil agreements: a residential premise lease agreement and a residential premise rent agreement from the standpoint of Art. 433 of the Civil Code of the Russian Federation. A new provision was introduced into this article (clause 3) on July 1, 2015; by virtue of this provision, an unregistered agreement remains valid for the parties but does not exist for third parties; it cannot be opposed to third parties. In the article, the author answers the question whether this principle is applied to a residential premise lease agreement by analogy with rent relations or whether the principle of introduction in the records is in place here that can be essentially reduced to the thesis of «no registration — no right».

Keywords: residential premise, lease agreement, rent agreement, failure to conclude an agreement, registration of an encumbrance, registration of an agreement, Directorate of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography.

Жилое помещение может быть объектом правоотношений, возникающих как из договора найма, так и договора аренды. Разницу между данными договорами Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) проводит по субъектному составу, указывая, что юридическим лицам жилое помещение может быть предоставлено во владение и пользование на основе договора аренды только для проживания граждан (ст. 671 ГК РФ). По смыслу п. 3 ст. 23 ГК РФ, индивидуальным предпринимателям, желающим использовать жилое помещение для проживания нанятых работников, необходимо также руководствоваться нормами договора об аренде.

Правовая природа названных договоров едина: жилое помещение передается во владение и пользование на возмездной основе для проживания в нем, т.е. право собственности на определенный срок обременяется интересами третьих лиц. Эти отношения носят обязательственный характер¹.

Договор аренды является консенсуальной сделкой и считается заключенным с момента достижения соглашения по всем его существенным условиям². Аналогичное правило действует и в договоре найма.

¹ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. С. 164, 165.

² Белов В.А. Договор аренды: научно-познавательный очерк, 2018 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

При этом, исходя из содержания ст. 617 и 675 ГК РФ, переход права собственности на сданное в аренду имущество или на занимаемое по договору найма жилое помещение не является основанием для расторжения или изменения договора. В ст. 675 ГК РФ этот тезис усиливается еще и правовой нормой о том, что новый собственник становится наймодателем на условиях ранее заключенного договора.

Но есть ли связь между указанными правами арендатора и нанимателя на сохранение договора при смене собственника с формой договора и совершенными действиями по регистрации договора (как того требует законодательство в случае аренды на срок выше одного года) и регистрации обременения (как в договоре найма)?

ГК РФ содержит норму о том, что закон может вводить правила о государственной регистрации отдельных видов сделок (ст. 164 ГК РФ). Какое значение имеет государственная регистрация сделок и как она соотносится с государственной регистрацией прав в контексте ст. 8.1 ГК РФ?

Государственная регистрация договора, исходя из п. 3 ст. 433 ГК РФ (действует с 1 июля 2015 г.), нужна не для придания договору юридической силы и не для признания его заключенным, а для уведомления третьих лиц о наличии такого договора и обременения, вытекающего из него. Регистрация договора носит не только уведомительный для третьих лиц характер; для третьих лиц договор будет иметь значение (порождать правовые последствия) с момента его государственной регистрации.

Сейчас, в связи с введением п. 3 ст. 433 ГК РФ, дискуссии по этому вопросу утихли. Впервые правовая позиция, согласно которой отсутствие государственной регистрации договора не может являться основанием для неисполнения достигнутого сторонами соглашения, но при этом права сторон в отсутствие такой регистрации не могут быть противопоставлены третьим лицам, отражена в п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2013 г. № 13 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды».

В отсутствие государственной регистрации такой договор не влечет юридических последствий для третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о его заключении. Момент заключения такого договора в отношении его сторон определяется по правилам п. 1 и 2 ст. 433 ГК РФ³.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского

Применительно к договору аренды жилого помещения отсутствие регистрации не препятствует сторонам требовать друг от друга добросовестного исполнения принятых на себя обязательств и защищать свои интересы в суде. Но данный договор не может быть противопоставлен третьим лицам, для них обязательств между сторонами не существует. А значит, не существует и обременения в виде права владения и пользования помещением, т.е. для третьего лица помещение будет «юридически чистым». Арендатор, как сторона в незарегистрированном договоре долгосрочной аренды (сроком свыше одного года), будет лишен права на сохранение договора аренды при смене собственника, если новый собственник не знал и не мог знать о наличии арендных отношений. Свою добросовестность новый собственник может доказать выпиской из Управления Росреестра об отсутствии зарегистрированных обременений на спорный объект недвижимости на дату регистрации права собственности.

Иными словами, стороны договора долгосрочной аренды, отказываясь от регистрации договора, лишают возникшие обязательственные отношения публичности, а именно, лишают третьих лиц возможности узнать о факте совершения сделки. Чем, безусловно, сужают объем своих прав в рамках договора.

Этот подход можно условно назвать принципом противопоставимости, так как он видит функцию государственной регистрации именно в обеспечении противопоставимости⁴ прав третьим лицам, т.е. создания удобного механизма публичного оглашения состоявшегося перехода прав⁵.

Относительно договора найма жилого помещения, заключенного на срок не менее года, закон содержит правило о необходимости государственной регистрации обременения (не договора!) права собственности. Обосновывает ли данное требование вывод о том, что в ст. 675 ГК РФ при ее системном толковании с п. 1 ст. 8.1 ГК РФ содержится принцип внесения? И, следовательно, что отсутствие регистрации обременения влечет отсутствие договорных отношений (возможность признания договора в судебном порядке незаключенным)? Или же и в договоре найма действует принцип противопоставимости?

Анализ судебной практики и системное толкование норм ГК РФ позволяют прийти к выводу, что в договоре

кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О принципе противопоставимости говорит и И.А. Покровский в своей работе. См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020. С. 199.

⁵ Карапетов А.Г. Принцип внесения, автономия воли и противопоставимость прав. URL: https://zakon.ru/blog/2015/1/22/princip_vneseniya_avtonomiya_voli_i_protivopostavimost_prav_ishhem_vyход

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

найма жилого помещения «работает» принцип противопоставимости.

И то, что договор аренды регистрируется как сделка, а договор найма жилого помещения как обременение можно считать неточностью в юридической технике ГК РФ. Ни аренда, ни наем не порождают вещное право (ст. 216 ГК РФ), которое имеет характер абсолютного по причине противопоставления всем. Аренда и наем — это классические обязательственные правоотношения, порождающие временное обременение (ограничение) права собственности на жилое помещение.

Следовательно, и в договоре аренды, и в договоре найма работает принцип противопоставимости: правоотношение между сторонами возникает с момента заключения договора (это консенсуальные договоры), а государственная регистрация является достоверным и публичным способом проинформировать третьих лиц о наличии обязательства, показать, что недвижимость имеет обременение, и третье лицо, приобретая такую вещь по договору купли-продажи, с правом собственника приобретает и статус арендодателя/нанимателя на срок, предусмотренный договором. А это может стать принципиальным моментом в принятии решения о покупке объекта в случае намерения использовать его для проживания с членами своей семьи.

Для подтверждения озвученных выводов сравним, какая запись вносится в ЕГРН в случае государственной регистрации договоров аренды недвижимого имущества и записи о государственной регистрации найма жилого помещения. Для этого обратимся к разделам 6.3 и 6.13 приказа Минэкономразвития России от 16 декабря 2015 г. № 943⁶.

⁶ Приказ Минэкономразвития России от 16 декабря 2015 г. № 943 (ред. от 03.12.2019) «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной

При регистрации договора аренды в реестр прав на недвижимость вносятся запись о сделке и запись об ограничении права и обременении объекта недвижимости (п. 93), при государственной регистрации найма жилого помещения в реестр прав на недвижимость вносятся запись об ограничении (обременении) — п. 150.

В записи об ограничении (обременении) независимо от вида договора указываются данные: предмет ограничения, срок, сведения о цене (размер платы за наем жилого помещения или сведения о размере арендной платы. Иными словами, в реестре отражаются условия, которые являются существенными в силу закона или признаются в большинстве случаев таковыми сторонами договора.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об отсутствии системного подхода при регулировании отношений сторон в договоре найма и аренды. Представляется неактуальной ситуация с регистрацией договора аренды, и открытым остается вопрос, почему после реформы ГК РФ, в ходе которой законодатель отказался от дублирующей системы регистрации (договора и обременения)⁷, оставив только регистрацию обременения, сохранил дублирование в арендных отношениях.

В обоих рассмотренных договорах «работает» принцип противопоставимости, суть которого можно свести к следующему тезису: незарегистрированный договор аренды (незарегистрированное обременение в рамках договора найма) не аннулирует правовую связь между сторонами, не означает незаключенность договора, а лишь блокирует возможность противопоставить такой договор третьим лицам.

регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки»: зарегистрировано в Минюсте России 25 марта 2016 г. № 41548 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Белов В.А. Договор аренды: Научно-познавательный очерк / В.А. Белов. Москва : Статут, 2018. 157 с.
2. Карапетов А.Г. Принцип внесения, автономия воли и противопоставимость прав // Ищем выход / А.Г. Карапетов // Закон.ru. 2015. 22 января.
3. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. 8-е изд. Москва : Статут, 2020. 351 с.
4. Шершеневич Г.В. Курс гражданского права: Введение. Общая часть. Особенная часть / Г.В. Шершеневич. Тула : Автограф, 2001. 719 с.

При возникновении вопросов,
связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону:
8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Юридический интерес как предпосылка права на обращение в суд с заявлением об оспаривании решений общих собраний собственников жилых помещений

Шеменева Ольга Николаевна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Воронежского государственного университета,
доктор юридических наук
shon_in_law@mail.ru

В статье автор обращается к практике применения норм гражданского законодательства, ограничивающих круг лиц, имеющих право заявлять те или иные требования. Обосновывается публично-правовой характер таких ограничений. На примере анализа дел об оспаривании решений общих собраний собственников жилых помещений автор приходит к выводу о том, что отсутствие у истца данного права в конкретном случае можно установить как очень просто — в стадии принятия искового заявления на основе приложенных к нему документов, так и более сложными способами, требующими представления и исследования дополнительных доказательств. В любом случае процессуальное законодательство располагает достаточным инструментарием для того, чтобы в отсутствие данного права завершать гражданское дело при минимальных затратах времени и средств его участников без необходимости совершения бессмысленных процессуальных действий, связанных с рассмотрением и разрешением этого дела по существу.

Ключевые слова: суд, иск, юридический интерес, собрание собственников жилых помещений.

Legal Interest as a Prerequisite for the Right to Challenge Resolutions of General Meetings of Owners of Residential Premises in Court

Olga N. Shemeneva
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Voronezh State University
LL.D.

In the article, the author refers to the practice of applying the norms of civil law that limit the range of persons who have the right to submit certain requirements. The public legal nature of such restrictions is justified. On the basis of the analysis of cases challenging decisions of general meetings of owners of residential premises, the author concludes that the plaintiff's absence of this right in a particular case can be both established very simply — at the stage of adopting the statement of claim based on the documents attached to it, and in more complicated ways that require presentation and investigation of additional evidence. In any case, the procedural law has sufficient tools to ensure that, in the absence of the given right, the civil case is closed at the minimum cost of the time and resources of the participants without the need for meaningless proceedings related to the examination and resolution of the case on the merits.

Keywords: court, lawsuit, legal interest, meeting of residential premises owners.

В п. 1 ч. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) с момента его принятия содержится следующее основание к отказу в принятии искового заявления: «...в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя». Если суд не выявил данного основания на этапе принятия искового заявления и ошибоч-

но возбудил производство по делу, то в соответствии с абз. 2 ст. 220 ГПК РФ он прекращает производство по делу.

При толковании данного законодательного положения с учетом используемой в нем терминологии («оспариваются», «заявление», «заявитель») может сложиться мнение, что до 2015 г. оно относилось исключительно к производству по делам, возникающим из публичных

правоотношений. А после принятия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) данное основание к отказу в принятии заявления, традиционно характерное для производства по административным делам (п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ), «забыли» исключить из ст. 134 ГПК РФ.

Однако действующее гражданское законодательство о сделках, о юридических лицах, о наследовании, семейное законодательство и иное частно-правовое законодательство нередко ограничивает круг лиц, которым предоставляется право предъявлять те или иные требования о защите частных прав в судебном порядке, что, как правило, обуславливается личным характером правоотношений, из которых может возникнуть спор. В связи с этим в науке гражданского процессуального права сложилось довольно распространенное, хотя и не бесспорное мнение, что в таких ситуациях у других лиц отсутствует одна из предпосылок права на обращение в суд – юридический интерес лица, обращающегося с иском¹. Это означает, что у этих «других» лиц нет уже публичного по своей природе права на предъявление иска, возбуждение гражданского дела по данному требованию, а также права на его рассмотрение и разрешение судом по существу. И, соответственно, гражданское процессуальное законодательство нуждается в процитированном основании к отказу в принятии исковых заявлений.

При этом практика применения, как и теоретическое понимание смысла и отраслевой принадлежности норм об ограничении круга лиц, имеющих право обращаться с теми или иными материально-правовыми требованиями, неоднозначна и складывается довольно дифференцированно в зависимости от периода времени; от региона; от того, какой суд рассматривает дело – арбитражный или суд общей юрисдикции; от того, какая именно норма гражданского законодательства ограничивает круг лиц, имеющих право на обращение в суд; от различных юридически значимых обстоятельств конкретных дел и т.п.

В некоторых случаях этим нормам придается материальное (частно-правовое) значение, и, соответственно, обращение с материально-правовым требованием «не тем» лицом служит основанием для отказа в удовлетворении его требования по существу посредством вынесения *решений*. В частности, это очень характерно для дел о признании недействительными сделок, рассматриваемых арбитражными судами², что, видимо,

среди прочего объясняется тем, что в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) долгое время вообще отсутствовал институт отказа в принятии исковых заявлений, а также сложностью доказывания наличия или отсутствия у истца заинтересованности в признании сделки недействительной. В других – суды придают этим нормам процессуальное (публично-правовое) значение, и их несоблюдение рассматривается, как отмечалось, в качестве основания для вынесения *определения* об отказе в принятии искового заявления или иного определения, завершающего гражданское дело без рассмотрения и разрешения по существу заявленных требований. Наиболее последовательно и единообразно (во многом – благодаря разъяснениям Верховного Суда РФ) этот подход реализуется применительно ко многим требованиям, вытекающим из семейных правоотношений: о признании брака недействительным³, о расторжении брака по требованию мужа в период беременности жены и в течение одного года со дня рождения ребенка⁴ и др.

Целесообразность практического применения второго (публично-правового) подхода и его универсальность вне зависимости от материально-правовых особенностей конкретных требований наиболее наглядно можно проиллюстрировать на примере гражданских дел по искам об оспаривании решений общих собраний собственников жилых помещений.

Правовое основание для предъявления таких исков составляет положение ч. 6 ст. 46 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ), в силу которого «... собственник помещения в многоквартирном доме вправе обжаловать в суд решение, принятое общим собранием собственников помещений в данном доме с нарушением требований настоящего Кодекса, в случае, если он не принимал участие в этом собрании или голосовал против принятия такого решения и если таким решением нарушены его права и законные интересы».

Данное положение, по мнению большинства судей, является правовым основанием для отказа в принятии исковых заявлений о признании недействительными решений общих собраний в случае, если они предъявлены лицами, которым данное право не предоставлено жилищным законодательством, или иных определений, препятствующих рассмотрению дел по данным требованиям по существу.

Определения об отказе в принятии таких исковых заявлений, как правило, выносятся в случае обращения в суд товариществ собственников жилья, ассоциаций товариществ

¹ Подробно о дискуссии по вопросу о юридическом интересе как о предпосылке права на обращение в суд см., например: Афанасьев С.Ф. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 10, 11, 12; 2007. № 1, 2, 3; Банныков Р.Ю. Досудебный порядок урегулирования споров / науч. ред. В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 22–37.

² См., например: Определение Верховного Суда РФ от 5 августа 2020 г. № 309-ЭС20-10064 по делу № А76-2011/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // БВС РФ. 1999. № 1. П. 22.

⁴ См.: там же. П. 1.

собственников жилья⁵, управляющих компаний⁶ — т.е. лиц, очевидно не являющихся собственниками. Среди основных мотивов к отказу в принятии их заявлений называется то, что «...в силу положений жилищного законодательства у управляющей компании отсутствует право оспаривания решений общего собрания собственников помещений многоквартирного жилого дома, принятое в пределах компетенции собрания»⁷; доводы «... о том, что истец имеет право обжаловать решения общего собрания, поскольку они затрагивают его права как стороны в обязательстве по оказанию услуг управления многоквартирным домом, основаны на неправильном толковании норм материального права»⁸ и т.п. Суды вышестоящих инстанций, как правило, соглашались с такими выводами. И, более того, в случае принятия подобных исковых заявлений, рассмотрения дела по существу и вынесения решений об удовлетворении заявленных требований нередки случаи, когда суд вышестоящей инстанции отменяет состоявшиеся судебные постановления и прекращает производство по делу, так как компания-истец «...собственником помещений в многоквартирном доме не является, в связи с чем у нее в силу закона отсутствует право на обжалование решения общего собрания собственников помещений многоквартирного дома»⁹.

Судебная практика располагает и примерами того, что определения об отказе в принятии исковых заявлений об оспаривании управляющими компаниями решений общих собраний собственников жилых помещений отменяются судами вышестоящих инстанций¹⁰. Однако это происходит довольно нечасто и, видимо, обусловлено специфическими фактическими составами в конкретных делах¹¹, соединением в одном исковом заявлении нескольких взаимосвязанных требований¹² и т.п.

В целом же сложившаяся практика вынесения определений об отказе в принятии исковых заявлений об оспаривании управляющими компаниями решений общих собраний собственников представляется вполне рациональной и соответствующей смыслу жилищного законодательства,

ограничивающего круг лиц, имеющих право оспаривания решений общих собраний самими собственниками жилых помещений.

Отказ в принятии искового заявления по мотиву отсутствия права на обращение в суд с требованием о признании недействительным решения общего собрания собственников жилых помещений, однако, не всегда может быть оптимальным процессуальным решением, так как не всегда уже в стадии принятия искового заявления возможно определить, является ли истец собственником жилого помещения или нет, а также установить наличие иных оснований или препятствий для обращения в суд с требованием о признании недействительными решений общих собраний.

Подобная ситуация довольно типична для случаев, когда с рассматриваемыми требованиями обращаются физические лица, допускающие ошибки, связанные с порядком обращения в суд. Например, не представляющие доказательств того, что они являются собственниками жилого помещения. В этом случае наиболее верным и соответствующим смыслу процессуального законодательства является мнение о том, что «...не представление истцом документов в подтверждение ее членства в ТСЖ ... основанием для отказа в принятии искового заявления не является. Суду в данном случае следовало разрешить вопрос о возможности оставлении заявления без движения, в порядке ст. 136 ГПК РФ»¹³. Напомним, что в таком определении суд указывает основания для оставления искового заявления без движения и срок, в течение которого истец должен устранить обстоятельства, послужившие основанием для оставления искового заявления без движения. Если в установленный срок истец этого не сделает, суд возвращает исковое заявление и прилагаемые к нему документы.

Судом первой инстанции также может быть ошибочно отказано в принятии искового заявления по причине того, что из представленных материалов может быть неочевидно, кто является собственником жилого помещения. Например, такие сомнения могут возникнуть в случае, если имущество, находящееся в общей совместной собственности супругов, зарегистрировано на имя одного из них, а с иском обращается другой¹⁴. Практика располагает также примерами отмены судебных постановлений суда первой инстанции из-за того, что суд не выяснил, как именно голосовал истец на общем собрании — «за» или «против» обжалуемого им решения¹⁵, и т.п.

В этих и им подобных случаях, когда есть необходимость установления судом обстоятельств, свидетель-

⁵ См., например: Апелляционное определение Саратовского областного суда от 9 марта 2016 г. по делу № 33-1567/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См., например: Определение Ленинградского областного суда от 26 февраля 2015 г. № 33-1158/2015; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 14 мая 2020 г. по делу № 33-7337/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Новгородского областного суда от 8 августа 2018 г. по делу № 33-1931/18 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: там же.

⁹ См., например: Апелляционное определение Магаданского областного суда от 22 октября 2019 г. № 33-958/2019 по делу № 2-1604/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., например: Определение Оренбургского областного суда от 23 августа 2017 г. по делу № 33-6276/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См., например: Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 6 ноября 2019 г. по делу № 44г-335/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См., например: Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 17 июля 2019 г. по делу № 33-9950/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 30 января 2019 г. по делу № 33-2881/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 2 ноября 2016 г. по делу № 33-14741/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Кассационное определение Вологодского областного суда от 3 февраля 2012 г. № 33-462/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

ствующих о наличии или отсутствии у конкретного лица права на обращение в суд с заявлением об оспаривании решения общего собрания, явно требуется возбуждение гражданского дела для исследования доказательств, подтверждающих или опровергающих эти обстоятельства. Но это не означает, что в дальнейшем следует рассматривать данное дело по существу и выносить решение. Установив то, что истец собственником жилого помещения не является, или то, что он голосовал «за» принятие оспариваемого решения, судья вправе прекратить производство по делу без исследования обстоятельств, имеющих материально-правовое значение в связи с отсутствием у истца права на обращение в суд.

Таким образом, анализ наиболее типичных случаев практического применения последствий отсутствия у истца права заявлять требования об оспаривании решений общих собраний собственников жилых помещений позволяет сделать довольно обобщающий вывод. Отсутствие у истца данного права в конкретном случае можно установить как очень просто — в стадии принятия искового заявления на основе приложенных к нему документов, так и более сложными способами, требующими представления и исследования дополнительных доказательств. В любом случае процессуальное законодательство располагает достаточным инструментарием для того, чтобы в отсутствие данного права завершать гражданское дело при минимальных затратах времени и средств со стороны его участников без необходимости совершения бессмысленных процессуальных действий, связанных с рассмотрением и разрешением этого дела по существу.

В завершение важно отметить, что рассмотренные ограничения права на обращение в суд с требованием о признании недействительными решений общих собраний собственников жилых помещений, обусловленные отсутствием у истца юридического интереса как предпосылки

права на обращение в суд, не означают, что явно незаконные решения, принятые собственниками, вообще не могут быть отменены в судебном порядке.

Если допущенные нарушения при принятии решений общими собраниями собственников жилых помещений в многоквартирном доме либо общим собранием членов товарищества собственников жилья, жилищного, жилищно-строительного или иного специализированного потребительского кооператива нарушают права и законные интересы неопределенного круга лиц, права Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований, с заявлениями о признании недействительными таких решений вправе обратиться орган государственного жилищного надзора или орган муниципального жилищного контроля (п. 1 ч. 6 ст. 20 ЖК РФ, ст. 46 ГПК РФ). Кроме того, с таким заявлением вправе обратиться прокурор на основании ч. 1 ст. 45 ГПК РФ¹⁶.

Причем предоставить информацию указанным органам и должностным лицам вправе любое лицо. В том числе и то, которому было отказано в принятии его искового заявления по причине того, что самостоятельным правом оспаривания решений общих собраний оно не обладает. Более того, соответствующую информацию в орган государственного жилищного надзора, в орган муниципального жилищного контроля или в прокуратуру вправе направить сам суд, отказавший в принятии искового заявления. Такое право ему дает ст. 226 ГПК РФ, предусматривающая, что «при выявлении случаев нарушения законности суд вправе вынести частное определение и направить его в соответствующие организации или соответствующим должностным лицам...».

¹⁶ См., например: Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 3 февраля 2014 г. № 44г-13/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Афанасьев С.Ф. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) / С.Ф. Афанасьев // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 10. С. 6–10.
2. Афанасьев С.Ф. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) (продолжение) / С.Ф. Афанасьев // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 11. С. 2–6.
3. Афанасьев С.Ф. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) (продолжение) / С.Ф. Афанасьев // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 11. С. 6–10.
4. Афанасьев С.Ф. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) / С.Ф. Афанасьев // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 12. С. 2–6.
5. Афанасьев С.Ф. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) / С.Ф. Афанасьев // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 1. С. 6–11.
6. Афанасьев С.Ф. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) / С.Ф. Афанасьев // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 2. С. 2–6.
7. Афанасьев С.Ф. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) / С.Ф. Афанасьев // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 3. С. 2–4.
8. Банников Р.Ю. Досудебный порядок урегулирования споров / Р.Ю. Банников ; научный редактор В.В. Ярков. Москва : Инфотропик Медиа ; Берлин : [б. и], 2012. 240 с.